

**Военные
Приключения**

ПОДЖИГАТЕЛИ МЮНХЕНСКИЙ СГОВОР

НИК. ШПАНОВ

Поджигатели

Николай Шпанов

Поджигатели. Мюнхенский сговор

«ВЕЧЕ»

1949

Шпанов Н. Н.

Поджигатели. Мюнхенский сговор / Н. Н. Шпанов — «ВЕЧЕ»,
1949 — (Поджигатели)

ISBN 978-5-4444-0617-5

Гитлер не может останавливаться, ведь это совсем не устраивает истинных «хозяев жизни» — тех, кто стремится перекроить карту мира с выгодой для своего кошелька. Да и многие европейские политики абсолютно уверены, что их благополучию ничего не грозит, что бывший ефрейтор, ставший фюрером, не посмеет обратить свои взоры на запад. А значит, нужно помочь ему выстроить «мост на восток», к границам Советского Союза. На сей раз роль «жертвенного тельца» отводится Чехословакии... Широко известный роман автора многих советских бестселлеров, которыми зачитывалось не одно поколение любителей остросюжетной литературы.

ISBN 978-5-4444-0617-5

© Шпанов Н. Н., 1949

© ВЕЧЕ, 1949

Содержание

1	6
2	10
3	16
4	19
5	24
6	27
7	34
8	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ник. Шпанов

Поджигатели. Мюнхенский сговор

© Шпанов Н.Н., 2013

© ООО «Издательство «Вече», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

И вот эти – едва ли уже люди – готовят новую войну.

Наделано очень много пушек, ружей, пулеметов и прочего, – пора снова убивать людей, иначе – для чего работали? Насверлили пушек не для того, чтобы употреблять их в качестве водопроводных труб.

М. Горький

1

На этот раз плавание «Пирата» было обставлено с особенной пышностью. О его появлении в виду берегов Ривьеры газеты подняли такой шум, словно яхта прибыла не из Америки, а по крайней мере с Марса. Подробные описания пути были разосланы редакциям газет вместе с расписанием балов и развлечений, предоставляемых на борту «Пирата» гостям Джона Ванденгейма Третьего.

«Пират», как видение, появлялся то тут, то там; от него отваливал катер, забиравший на берегу почту, и яхта снова исчезала в синеве горизонта.

В газетной шумихе, поднятой вокруг яхты по приказу Ванденгейма, существенным обстоятельством, о котором не подозревал ни один из репортеров, было то, что самого Джона на борту «Пирата» не было. В то самое время, когда все считали, что он наслаждается прелестями Средиземного моря, Джон расхаживал по апартаментам парижского отеля «Крийон», в книгу которого был записан под именем Горация Ренкина, представителя адвокатской конторы «Доллас и Доллас». Ради сохранения тайны совещаний, происходивших у него каждый день с крупнейшими представителями французской политики, промышленности и банков, чуть ли не каждое из них созывалось в новом месте.

Министры и послы, банкиры и промышленники приезжали в кабинеты дорогих ресторанов, в загородные виллы и в салоны кокоток, не доверяя ни секретарям, ни советникам, ни адвокатам истинного смысла и цели своих свиданий с Ванденгеймом. Когда могли, они старались остаться неузнанными. Они знали, что разглашение интриги, затеянной Джоном, не угрожая ему ничем, кроме расхода в несколько десятков тысяч долларов на затычку рта газетам, было бы для любого из его французских сообщников равносильно политическому самоубийству.

С одними из своих контрагентов, такими, как барон Шнейдер, барон Ротшильд или де Вандель, Ванденгейм вынужден был разговаривать вежливо и в случае их упрямства или чрезмерной жадности срывать потом гнев на Долласе.

На других, вроде министра Боннэ, полковника де ла Рокка, Буллита или Абетца, он кричал так, как если бы они были его провинившимися лакеями.

Его приводила в бешенство неповоротливость французского кабинета в чешском вопросе. Вместо того чтобы взорвать франко-чехословацкий пакт и решительно отказаться от всякой возможности сотрудничества с СССР, министры-радикалы юлили перед общественным мнением. Они тряслись над своими портфелями, воображая, будто волка можно накормить, сохранив овец.

Ванденгейм вовлек в игру Боннэ, параллельно с обязанностями министра иностранных дел Третьей республики, много лет занимавшего должность главного юрисконсульта в банкирском доме «Братья Лазар». Джон пригрозил министру-юрисконсульту, что немецкая банковская группа «Д» лишит «Братьев Лазар» функций своего тайного представителя, если Боннэ немедленно не примет решительных мер к дискредитации пропаганды за сохранение франко-чехословацкого пакта.

На следующий день Боннэ прислал ему текст прокламации:

Француз!

Тебе внушают, будто непроходимая пропасть отделяет требования Гитлера от уже достигнутых соглашений. Это ложь. Единственное разногласие – в вопросе о процедуре: должны ли немецкие войска вступить в Судетскую область, бесспорно признанную немецкой, до или после определения ее границ.

*Ты хочешь, чтобы вороны клевали твои кости из-за этого
«разногласия»?*

На наш взгляд – вся Чехия не стоит костей одного пулю.

Текст понравился Ванденгейму, но он назначил Боннэ свидание и новыми угрозами заставил его собственной рукой переписать прокламацию под предлогом нескольких мелких поправок. Получив этот документ, делавший министра его рабом, Джон переслал копию де ла Рокку вместе с чеком и с приказом: не позже утра «Боевым крестам» оклеить стены Парижа сотнею тысяч таких прокламаций.

Когда это было исполнено, он, даже не дав себе труда поговорить с Боннэ, передал через Долласа, что господину министру предоставляется выбор: пресечь всякую попытку Франции оказать сопротивление немецкому вторжению в Чехию или увидеть расклеенным на стенах столицы и факсимиле его провокационного сочинения.

Боннэ исполнил все – и в тот же день получил через «Братьев Лазар» «тантьему» в пол-миллиона франков и уведомление об удвоении его юрисконсультского оклада.

Боясь скомпрометировать Даладьё личным свиданием, Ванденгейм поручил его попечением Долласа и Буллита.

Он обещал барону Шнейдеру, главе оружейных заводов в Крезе, что знаменитые чешские заводы «Шкода» перейдут в его полную собственность в тот день, когда немцы вступят в Чехию, и в качестве гарантии депонировал пакет собственных акций этого предприятия. Но в тот же день он дал своим маклерам приказ играть на понижение акций «Шкода» на всех биржах Европы и скупать их в любом количестве. Они были ему нужны для дальнейшей игры: заводы «Шкода» были крупной приманкой, на которую он собирался поймать еще одну акулу.

Благодаря придуманным комбинациям и французский химический трест «Кюльман», и британский «Империиел кемикл» пришли к выводу, что они заинтересованы в том, чтобы немецкая «ИГФИ» как можно скорее стала хозяином чешской химической промышленности.

Одних Джон связывал общими интересами, других сталкивал лбами. Но не без удивления он видел, что, несмотря на все эти усилия, несмотря на то, что французские министры готовы были послать Гитлеру ноту с приглашением вступить в Судеты, дело все же нельзя было считать полностью обеспеченным: миллионы французов громко протестовали против подлости, которую собиралось совершить их правительство.

Ванденгейм приказал Долласу покупать прессу. Секретные «фонды» Боннэ тотчас оказались утроенными. Боннэ раздавал налево и направо свои знаменитые конверты, набитые на этот раз уже не дешевыми франками, а полноценными долларами. Успех Гитлера обеспечивали налогоплательщики далекой заокеанской республики. Журналисты всех мастей – от шантажистов «Гренгуара» до «социалистических» зубров типа Блюма – стали скрипеть перьями из американского золота.

Чтобы подбодрить жадных, но трусливых парижских писак и заставить биржи мира прислушаться к их истерическому визгу, Джон сумел из Парижа инспирировать выступление британских газет в том же духе. От Долласа к Абетцу, от Абетца к Вельчеку, от Вельчека к Дирксену – по этой цепочке с быстротою дипломатической депеши пропутешествовал чек на имя издателя лондонской «Дейли мейл», и в ней тотчас появилась статья, произведшая на мир более ошеломляющее впечатление, чем если бы бомбы Геринга разорвались на площади Звезды в Париже. Взгляды правящей верхушки Британии целиком совпадали с планами Джона, и сам лорд Ротермир писал: «Нам нет никакого дела до Чехословакии. Если Франции угодно обжечь там пальцы, то это ее дело».

Ротермир, смакуя, повторял гнусные слова Боннэ, – по-английски они оказались звучащими ничуть не менее зловеще, чем по-французски: «Кости одного французского солдатака стоят больше, чем все чехословаки, вместе взятые».

– Англия думает о наших пуало!.. – Парижане утирали слезы умиления, забывая о следующих строках Ротермира, где он сводил на нет всю прежнюю политику Франции, направленную на создание дружественного ей и сильного чехословацкого государства. Ротермир называл Чехословацкую Республику государством, созданным недальновидной политикой, и откровенно выражал надежду, что «с приходом к власти национал-социалистского правительства, под энергичным руководством этой партии, Германия сама найдет способ исправления несправедливостей. В результате Чехословакия... может в одну ночь прекратить существование».

Но Джону казалось мало и этого. Доллас продолжал действовать, и к полному восторгу Ванденгейма, в «Таймсе», который лондонские биржевики раскрывали по утрам, как Евангелие, появилась передовая, откровенно предлагавшая Гитлеру захватить Судеты.

Ванденгейм закусил удила, – он уже не мог остановиться: американские миллиарды, вкладываемые в немецкую промышленность, росли, как на дрожжах, им было тесно в границах Третьего рейха, они требовали новых завоеваний.

Предостерегающий голос «Юманите» раздавался во Франции, перекрывая бесовский хор, рожденный чеками Джона. Трудовой французский народ не верил в необходимость капитуляции перед Гитлером, рисовавшимся правящей кликой Франции чуть ли не спасителем ее миллионов, вложенных в Чехию. Но рантье уже колебались: что будет, если на твердость Франции немцы ответят войной?

Нет, нет, война не для Франции! И из-за чего, из-за каких-то там Судетских гор, которые не всякий француз способен найти на карте! Черта с два! Если чехи не хотят примириться с потерей этих гор, так пусть сами за них и воюют...

Вся Чехословакия не стоит костей одного пуало!

В «Гренгуаре» афоризм Боннэ трансформировался в столь же лаконичный, но, пожалуй, еще более гнусный аншлаг, перепоясавший первую страницу этого органа паромщиков: «Хотите ли вы умереть за Чехословакию?»

«Спасителем нации» был объявлен некий профессор Жозеф Бартелеми, который по заказу Долласа написал для «Тан» статью, доказывавшую, «как дважды два», что франко-чехословацкий договор о взаимной помощи давным-давно утратил силу, поскольку Гитлер денонсировал Локарнский договор.

В сорок тысяч франков обошлось Ванденгейму то, что статья журналиста, разоблачавшего продажность Бартелеми, не появилась в печати.

– Запомните, Фосс, – наставительно проговорил Джон Третий, обращаясь к Долласу, – и не уставайте повторять тем, кто этого не понимает: вышибить из этой игры Францию – значит выиграть всю партию, потому что этим, быть может, нам удастся выбить из игры Россию. А это для нас важнее Англии и Франции, вместе взятых.

Удовлетворенный результатами своей деятельности, Ванденгейм собирался уже покинуть окутанный осенней мглой Париж, когда к нему явился встревоженный Доллас.

– Дурные вести из Германии, хозяин!

Он съезился было под свирепым взглядом Ванденгейма, но все же решил договорить:

– В кругу близких людей Гитлер проговорился, что боится провала с Судетами.

Ударом ноги Джон в бешенстве отбросил китайский столик со стоявшим на нем чайным сервизом.

– Господь Бог наказал нас этим идиотом!

– Не столько Бог, сколько Генри Шрейбер, – лукаво заметил Доллас.

– К дьяволу ваши гнусные остроты! – рывкнул Джон.

Отбросив обломки столика и топчя осколки фарфора, он прошелся по комнате.

– Помните того малого, что был нами приставлен к Герингу?... Мак?... Мак?... – силился вспомнить Джон.

– Мак-Кронин?

– Надо связаться с ним!

После некоторого колебания Доллас сказал:

– Эти сведения от него и идут.

– Так, значит, Гитлер говорил это Герингу?

– Герингу и Геббельсу.

– Ну, Геббельс... – Джон пренебрежительно махнул.

– Его влияние на Гитлера...

– Дело не только во влиянии, а и в личной заинтересованности, Фосс. – Джон неожиданно рассмеялся и крепко ударил Далласа по плечу. – Чего стоило бы ваше влияние на меня, если бы вы не были заинтересованы в успехе того жульничества, которое провели вчера для Буллита?!

Доллас хотел возразить, оправдаться, но губы его омертвели от страха: он знал, что Джон способен простить все – ложь, измену, любую подлость, только не посягательство на его кошельки.

– Честное слово, хозяин... – пролепетал он, овладев наконец способностью речи и отирая о брюки влажные ладони. – Честное слово...

Ванденгейм угрожающе проговорил:

– Вы вообразили, что если вы ведаете моей разведкой, а не я вашей, то я уже ничего не знаю о проделках за моего спиною?.. Как бы не так! Каждый ваш шаг, каждое слово... – Он стоял страшный, как идол, и Долласу уже чудилось, что десяток рук багрового страшилища обвивают его в смертельном объятии, чтобы выжать все, что он успел нажить. Он смотрел на Джона остановившимися от ужаса глазами. Если бы не бешеные удары сердца и не холодные струйки пота, катившегося по рукам, по лицу, по всему телу, он поверил бы тому, что страх способен мгновенно убивать.

Глядя на него, Ванденгейм презрительно усмехнулся:

– Нельзя быть таким трусом, Фостер.

– Я не боюсь ничего на свете... – заплетающимся языком промямлил Доллас и поднял руку, чтобытереть мокрое лицо.

– В общем это пустяки. Я на вас не сержусь! – заявил Джон. – Смотрите только, чтобы вас не надул Буллит в той спекуляции, которую вы с ним затеяли.

– Буллит меня? – Доллас рассмеялся скрипучим долгим смехом.

– Приглядывайте за ним. Этот лягавый из тех, что норовят таскать дичь из-под носа хозяина... Президент это скоро почувствует.

Неожиданно Ванденгейм спросил адвоката:

– Вы передали Буллиту последний чек?

– Разумеется.

– Без удержаний?..

Доллас пожал плечами и обиженно отвернулся.

– Нужно дать ему деликатное поручение... Впрочем, лучше не впутывать в это дело Буллита, – сказал Джон. – Ведь вы и сами близки теперь с Абетцем?

– Более или менее.

– Мне нужно встретиться с Герингом.

– Такое дело требует времени.

– Его-то у меня и нет.

– Абетцу придется ехать в Германию.

– Пусть летит завтра же!

– Прием у Геринга, говорят, расписан на месяц вперед.

Ванденгейм резко остановился посреди комнаты и проговорил:

– Он должен принять меня не позже следующей недели.

2

Шверер был раздосадован: намеченный отъезд в Чехословакию вдруг отложили. Гаусс объяснил ему эту отсрочку тем, что англичане, с которыми должен был отправиться Шверер, отложили свой выезд.

– Не я должен был ехать с англичанами, а англичане со мной, – сдерживая раздражение, сказал Шверер. Ему показалась обидной эта зависимость от англичан.

– Весьма любезно было со стороны англичан пригласить вас в качестве немецкого наблюдателя в их комиссию, – возразил Гаусс.

Шверер недовольно фыркнул: опять наблюдатель! Опять партикулярный пиджак, опять зависимость от каких-то штатских субъектов, которых он заранее презирал. Он уже знал по опыту, что значит быть «наблюдателем»...

Положительно ему не везло. Не ради же удовольствия хотел он побывать в Чехословакии, где ему предстояло воевать и одержать победу над передовым западным отрядом ненавистного славянства – чехами. Ему не терпелось осмотреть театр военных действий, которому суждено стать мостом к восточному пространству, мостом, по которому он, Конрад фон Шверер, поведет полки германцев!

Не подозревая того, что Геринг именно его назвал в качестве жертвы провокации, задуманной Гитлером, Шверер нетерпеливо стремился навстречу собственной смерти. Он был далек от мысли заподозрить что-либо недоброе в том, что Гаусс пригласил его к себе и заставил в своем присутствии передать Прусту все дела, не исключая и далеко идущих планов подготовки восточной кампании. Ему не приходило в голову, что все его слова Гаусс воспринимал как своего рода предсмертную исповедь. В мерно покачивающемся носке лакированного сапога Гаусса, в блеске его монокля было столько спокойствия, что предположение о его участии в плане убийства Шверера не пришло бы в голову даже тому, кто и знал о предстоящей провокации.

Инициатива отсрочки отъезда Шверера, давшей Гауссу возможность передать военную часть заговора против Чехословакии из рук Шверера Прусту, не исходила от Гаусса, и тем не менее именно он был ее виновником. Вот как это случилось.

В последний день пребывания миссии лорда Крейфильда и Монтегю Грилли в Берлине британский посол Невиль Гендерсон устроил в их честь прием. Тут-то Гауссу и представилась редкая возможность проверить в личной беседе с французскими и британскими дипломатами то, что он уже не раз слыхивал из уст Риббентропа и от Нейрата, но что все же представлялось ему почти невероятным. Здравый смысл Гаусса отказывался признать за англичанами и даже за французами ту меру безрассудства, граничащего с безумием, какою нужно было обладать, чтобы дать возможность немецким дипломатам с уверенностью утверждать, будто у Германии в чешских делах руки развязаны так же, как они были развязаны в вопросе с Рейнской областью и с аншлюсом Австрии.

Гаусс отлично знал, что он не является единственным немецким генералом, у которого чешутся руки затеять драку в Судетах и отхватить хотя бы часть чешских земель. Но он хорошо знал и то, что не одинок в желании соблюсти некоторую осторожность и отложить авантюру до времени, когда немецкая армия будет готова к серьезным боям.

В минуты острых сомнений он, подобно многим своим коллегам-генералам, готов был пойти даже на арест Гитлера во имя спасения серьезных военных планов реванша от преждевременного провала. Однако он хорошо знал и то, что для ареста Гитлера нужно выбрать момент острейшего политического кризиса, угрожающего Германии бедами или крупным провалом на международной арене.

Такой политический кризис мог возникнуть в Европе вследствие попытки захвата Судетской области. Многие из генералов до сих пор были убеждены, что если не Англия и Франция вместе, то уж во всяком случае Франция, а следовательно, и СССР выступят. Тогда могло произойти то, чего генералы боялись как огня, – быстрый разгром не готовой к войне германской армии и крах всех их планов.

Случилось так, что прием в британском посольстве совпал с моментом, когда Гаусса терзали сомнения. Именно в этот день стало очевидным, что для развертывания немецкой армии недостает офицеров и унтер-офицеров.

Словно нарочно, чтобы подзадорить генералов, Гитлер собрал их в тот день на совещание и, в ответ на осторожный довод о некомплекте командного состава, побагровев, хрипло прорычал:

– Машина пущена, я не намерен тормозить!.. Кому со мною не по пути – прошу! – и резким движением указал на дверь.

Никто из генералов, в том числе и поставивший вопрос Гаусс, не поднялся и не вышел.

В течение нескольких секунд Гитлер налитыми кровью глазами оглядывал присутствующих, потом крикнул:

– Выступит Франция или нет, Геринг уже получил от меня приказ: по первому знаку обрушиться на Чехословакию всеми силами моей авиации. Генеральный штаб выразил желание начать движение наземных частей в шесть часов утра. Так и будет!

– Но прогноз погоды может быть дан не дальше чем на два дня, – заметил Гаусс, – а до конца сентября еще далеко.

Гитлер повел на него злым, с красными прожилками глазом, но вместо ответа проговорил, обращаясь к остальным:

– Я пригласил вас, господа, не для споров. Здесь присутствуют рейхсминистры фон Риббентроп и доктор Геббельс. Они желают знать, какого рода нарушения международного права им придется защищать перед так называемым общественным мнением, когда вы двинетесь вперед.

Генералы переглянулись: они ничего не имели против того, чтобы обусловить себе свободу от законов ведения войны. Сидевший несколько поодаль, откинувшись в кресле и выставив вперед огромный живот, Геринг весело крикнул:

– Великолепно, мой фюрер! Ослепительно! Пусть Риббентроп заранее составит ноту с оправданием того, что мы нечаянно разбомбим британское и французское посольства в Праге... Думаю, вы, мой фюрер, не станете возражать против такого «недоразумения»?

Гитлер рассмеялся и вопросительно посмотрел на Риббентропа. Тот с поспешностью, угодливо улыбнулся:

– Нет ничего проще!.. Британское посольство расположено вблизи объектов, которые мы не можем не бомбардировать. Известить же англичан о предстоящей бомбардировке мы не сможем вследствие «порчи телефонов» в их посольстве. Только Хенлейн должен позаботиться о том, чтобы телефоны у них действительно не работали. Вот и все!

– Отлично! – воскликнул очень довольный Геринг. – Ослепительно! Вы дали нам изумительную идею, мой фюрер!

– Теперь вы понимаете, чего я от вас хочу? – И Гитлер снова оглядел генералов.

В Прусте проснулся артиллерист:

– Нужно дать нам возможность стрелять химическими снарядами.

Гитлер поблагодарил его улыбкой и обернулся к сидевшему у его левого плеча Геббельсу:

– Что скажете?

Геббельс ответил, не задумываясь:

– Сегодня же подготовим сообщение для радио: «К нашему командованию поступило донесение передовых частей о том, что чехи пустили в ход отравляющие газы, – мы были

вынуждены ответить газовыми снарядами». Если впоследствии не удастся доказать, что чехи нарушили законы войны, то всегда можно найти офицера, который в боевой обстановке послал это неверное донесение. Можно будет даже примерно наказать его.

Геринг тяжело поднялся с кресла.

– Я тут больше не нужен, но хочу еще сказать Риббентропу, что моим летчикам, вероятно, придется не раз и не два пролетать в Чехословакию над польской территорией.

– Липскому уже сказано, что Бек может предъявить претензию на Тешин. За эту плату поляки охотно пропустят весь ваш воздушный флот, – сказал Риббентроп. – Летайте хоть каждый день.

– Кстати, о поляках... – Гитлер говорил негромко, однако его хриплый голос сразу заставил всех умолкнуть. – Мы не должны больше откладывать работу над планом разгрома Польши. Как только будет покончено с Чехословакией, я непосредственно займусь Данцигом, и война с Польшей станет неизбежной.

Гаусс ничего не имел против этих необузданных планов, которые для него, как и для всех присутствующих, были логическим завершением всей их «деятельности». Но легкомыслие, с которым Гитлер определял сроки и формулировал будущую политическую обстановку во всей Европе, раздражало его и пугало.

Он приехал на прием в британское посольство, находясь под влиянием этого заседания. По-своему расценивая международную ситуацию и предвидя возможность непоправимых последствий в случае, если еще не подготовленная армия необдуманно влезет в чешскую авантюру без абсолютных гарантий безучастности англичан и французов, он решил использовать редкую возможность поговорить с Гендерсоном и присутствовавшим на приеме послом Франции Франсуа Понсэ.

На прямые вопросы неискушенного в дипломатии генерала опытный и ловкий француз, прогерманские настроения которого были достаточно широко известны, давал тем не менее витиеватые и туманные ответы, заставлявшие седую бровь Гаусса высоко выгибаться над моноклем.

– Современная внешняя политика – не что иное, как компромисс, – чаруя слушателя приветливой улыбкой, говорил Понсэ. – Франция не может и не захочет осуществлять свои желания в области международной политики изолированно от желаний других заинтересованных держав.

– Следует ли это понимать как желание Франции согласовать свои действия с намерениями, скажем, Германии, или дружественные отношения с Чехословакией заставили бы французов более сочувственно прислушиваться к тем выдумкам о наших кознях, которые распространяет Прага? – спросил Гаусс.

– Мы готовы прислушаться к каждой мысли, имеющей конструктивный характер. Вашему превосходительству, чьи слова и поступки подчиняются прямым и ясным велениям открытого сердца солдата трудно себе представить сложность извивов, которыми идет современная дипломатия.

– В нашем деле тоже далеко не все так просто, как вам кажется, господин посол, – усмехнулся Гаусс.

– О, разумеется, – с полной готовностью поспешил согласиться Понсэ. Но он был прямо заинтересован в успехе немцев, в чью промышленность были вложены его деньги. Поэтому в его интересы вовсе не входило оставлять немецких генералов в неуверенности относительно уже совершенно ясной для него позиции французского кабинета, готового идти на все уступки Гитлеру. Он поспешил заявить: – В качестве примера сложности узла, который мы с вами призваны совместно развязать...

– Мы с вами? – удивленно переспросил генерал.

– Я имею в виду судетскую проблему.

– А-а... – неопределенно промычал Гаусс.

– Чтобы дать вам ясное представление о положении дел, я рискнул бы из дружеских чувств к вашей армии и ее вождю, всеми нами уважаемому канцлеру, выдать вам маленькую служебную тайну... – Понсэ принял таинственный вид. Гауссу оставалось только шелкнуть под креслом шпорами и движением руки подтвердить, что дальше него тайна Понсэ пойти не может. Удовлетворенный этой наивной игрой, француз понизил голос до полупшепота: – Не так давно господин Боннэ просил парижского коллегу нашего милого хозяина, сэра Эрика Фипса, получить у лорда Галифакса ясный ответ на вопрос, сформулированный примерно так: «Если немцы атакуют Чехословакию и если Франция обратится к Великобритании с заявлением: “Мы выступаем”, что ответит Лондон?»

Понсэ сделал многозначительную паузу.

Бровь Гаусса оставалась на этот раз неподвижной, и лицо его окаменело в напряженном внимании. Не мешая послу, но и не поощряя его, генерал ждал того главного, ради чего и затеял этот разговор.

– Вот что ответил лорд Галифакс. – Голос Понсэ стал еще таинственнее. – Стараюсь вспомнить для вас почти дословно, мой генерал: «Дорогой сэр Эрик, вы справедливо заметили Боннэ, что вопрос сам по себе, несмотря на кристальную ясность формы, не может быть оторван от обстоятельств, в которых будет задан, а именно они-то в данный момент и являются гипотетическими».

Француз посмотрел на генерала так, словно хотел спросить: «Неужели тебе еще не все ясно? Не хочешь же ты, чтобы я прямо сказал тебе: действуй, действуй, наше дело – сторона!» Именно этот смысл он вложил в рассказ о Фипсе и хотел, чтобы немец понял его до конца, чтобы немец не боялся никаких подвохов со стороны правительства Франции, которому только собственное общественное мнение мешало открыто набросить петлю на шею Чехословакии, чтобы привести ее Гитлеру в качестве своей доли при новом дележе мира.

Понсэ очень хотелось намекнуть генералу, что он советует вспомнить позицию англо-французов в инциденте с Рейнской зоной, а австрийском, абиссинском и испанском вопросах. Но он боялся: в случае провала интриги или поворота в политике, вызванного давлением общественного мнения, ему, старому дипломату, не простили бы такой неосторожности. Кэ д'Орсэ сквозь пальцы смотрело на его закулисные денежные связи с немцами, очень похожие на прямую измену Франции, но болтливость, связанная с публичным скандалом, могла оказаться роковой для его дипломатической карьеры. А в том, что не существует бесед, которые оставались бы тайною, даже если они ведутся с глазу на глаз в укромных уголках чужого посольства, француз был уверен. Это удерживало его от полной откровенности с Гауссом.

Гаусс решил проверить себя и побеседовать с кем-нибудь из англичан и был рад, когда ему удалось увлечь в зимний сад лорда Крейфильда, о котором было достаточно хорошо известно, что он является не только доверенным лицом Галифакса, но и личным другом британского премьера. От этого флегматичного британца Гаусс рассчитывал вытянуть что-нибудь более определенное. На откровенность с Беном генералу давало право их старое знакомство. С англичанином он говорил еще более прямо.

– Вопрос о нашем праве на Судетскую область больше не вызывает сомнений, – решительно проговорил он и умолк в ожидании, когда Бен устроится в плетеном кресле под сенью пальмы.

– Правительству его величества вопрос действительно ясен, – охотно согласился Бен. – Но, к сожалению, он вовсе не представляется таким ясным среднему англичанину.

Гаусс пренебрежительно сжал сухие губы.

– Там, где мы не хотим путаницы, среднему человеку не должно быть места.

– К сожалению, нам при наших порядках, – не скрывая неудовольствия, ответил Бен, – не всегда удается исключить его из игры.

– Это должно вас лишний раз убедить в том, что английские порядки мало пригодны для эпохи, требующей быстрых и категорических решений... Вестминстерская система отжила свой век.

Бен с удивлением взглянул на генерала, хотел было сказать, что Гаусс, по-видимому, просто ничего не понимает в английской государственной системе, но воздержался и только еще плотнее сжал губы.

А Гаусс, не получив реплики, продолжал:

– Даже нам, при полной свободе нашего руководства в вынесении любых решений, было нелегко избрать вариант овладения Судетами.

Бен непонимающе взглянул на него.

– Я имею в виду выбор одного из уже испробованных способов, – пояснил Гаусс. – Можно было пойти на «саарский вариант» с плебисцитом, но фюрер отверг его, не будучи уверен в результатах голосования. – Генерал сделал презрительный жест и добавил: – Происки чехов могли испортить дело... Нам известен уже и «испанский вариант», когда мятеж происходит изнутри и остается только ему помочь...

Он снова умолк и вопросительно посмотрел на лорда. Но Бен молчал, прикидывая в неповоротливом мозгу значение реплик, какие он мог бы подать.

– Возможен был бы и молниеносный захват австрийского образца, – продолжал между тем Гаусс, – но для этого нужно было бы иметь полную уверенность в том, что Англия и Франция не вмешаются.

На этот раз Бен не выдержал и сказал генералу то, чего не решился высказать Гауссу Понсэ:

– На этот счет у вас был уже опыт Рейнской зоны и той же Австрии.

Тут он спохватился, что ни премьер, ни Галифакс не уполномочивали его на ведение каких бы то ни было переговоров, и недовольно умолк. Да, кажется, он сильно продешевил, выкинув даром то, что дорого стоит. Глупо, глупо!

От раздражения Бен задул дыханием свечу, когда закуривал сигару. И тут же обнаружил еще одну неприятность: откуда ни возьмись вынырнул лакей и зажег свечу снова. Значит, этот тип мог слышать и его реплику? Глупо, удивительно глупо! Надо перевести разговор на более интересующие его вопросы свиноводства. Кажется, у Гаусса есть большое поместье в Восточной Пруссии, не может же там не быть свиней!

Бен уже раскрыл было рот, чтобы спросить генерала о свиньях, но то, что он услышал, заставило его насторожиться.

– Это я имею честь совершенно доверительно сообщить вам от лица значительной группы моих коллег, в руках которых практически находится армия... – настороженно проговорил Гаусс и вопросительно умолк.

Занятый своими мыслями, Бен прослушал начало фразы, но в тоне генерала он уловил что-то такое, что заставило его ободряюще кивнуть и с готовностью пробормотать:

– Конечно, конечно! На правах нашей дружбы!

Он сам не знал, зачем прибавил эти слова, но они возымели свое действие, и Гаусс, придвинув свое кресло к лорду, понизил голос:

– Мы решили от него избавиться. В день его возвращения с нюрнбергского съезда он будет арестован. – Генерал, подумав, убежденно закончил: – И если понадобится... вовсе убран.

Признание ошеломило Бена, как неожиданный выстрел над ухом, лишило способности соображать и действовать.

Впоследствии он даже не мог хорошенько вспомнить, попрощался ли с генералом. О свиньях-то не поговорил во всяком случае.

А Гаусс ехал домой, довольный собою и всем, что произошло. Он рассчитывал на то, что, посвятив англичан в заговор, готовящийся против Гитлера, он делал для них ясной свою позицию в игре, которая велась вокруг чешского вопроса. Если намек англичанина на невмешательство был только дипломатической игрой и если англичане в действительности ведут подготовку к отражению немецкого натиска силами континентальных государств от Франции до Польши включительно, то теперь они должны будут понять, что имеют дело с диктатором, приговоренным к смерти. Они могут топнуть ногой – Европа встрепенется, и животный страх заставит страдающего манией величия, но трусливого Гитлера отказаться от нападения на чехов. Это не только явится для генералов отличным моментом, чтобы арестовать выскочку, но и спасет их от преждевременного разгрома еще не окрепшей военной машины Германии.

«Если же англичане всерьез намерены умыть руки в чешских делах, то, – думал Гаусс, – избавившись от Гиглера, генералы присвоят себе в глазах немецкого народа всю славу победы над Чехией».

Но, к своей беде, старый генерал, несмотря на весь жизненный опыт, не учитывал, что предлагает выбор между гитлеровской и военной диктатурой в Германии английским политикам, среди которых едва ли нашелся бы хоть один, не связанный теснейшими деловыми узами с промышленными кругами континента и в том числе – Германии. Он не представлял себе, что потомственному бирмингемскому дельцу Чемберлену нужен в лице Германии не только участник интриг, но и объект для приложения капиталов, нужен рычаг для влияния на финансовые и промышленные судьбы всего континента.

При всей его ограниченности в качестве политика Бен отлично понимал значение признания, сделанного ему генералом. Он тут же распорядился отменить назначенный на завтра отъезд в Чехословакию и наутро вылетел в Лондон. Он не решился доверить даже дипломатической почте то, что сказал ему Гаусс, и намеревался передать это Чемберлену из уст в уста.

Гаусс же, снесшись с Гиммлером по вопросу о том, следует ли отправить Шверера одного, получил разъяснение, что лучше подождать возвращения лорда, ибо таким способом будут убиты сразу два зайца.

Генерал рад был такому решению. Возможность уничтожить лорда Крейфильда заодно со Шверером была бы весьма кстати. Мертвый свидетель рискованной откровенности всегда приятнее живого.

Тем временем Бен, прибыв в Лондон, прямо с аэродрома отправился на Даунинг-стрит и наедине с Чемберленом поведал ему тайну немецких генералов. Но премьер сдержанно выразил ему благодарность за интересное сообщение и предложил вернуться в Германию и осуществить поездку в Чехию. Премьер, несмотря на личную дружбу с Беном, не считал нужным посвящать его в свои планы. Он, Чемберлен, предпочитал иметь дело с немецким ефрейтором, которым командуют капитаны промышленности, нежели с немецкими генералами.

3

Эгон лежал в траве, закинув руки за голову. Он с наслаждением вдыхал терпкий аромат окружавшего его осеннего леса, смешивавшийся с доносимым ветром запахом сена, стога которого виднелись далеко внизу, на лугах. С холма были видны работающие на уборке люди, но их голоса не долетали до Эгона. Это придавало движениям людей какую-то особенную спокойную прелесть.

Слева доносился перезвон колоколыцев далекого стада, словно перекликались под сурдинку церкви округи.

Панорама завода и городка, раскинувшихся по обоим берегам реки, напоминала скорее вид курорта, чем большого промышленного предприятия. Домики были уютно белы, крыши их алели черепицей, до блеска вымытой дождями.

Эгону нравилась атмосфера настойчивого труда, пронизывающая всю жизнь здешнего народа. Ему была по сердцу любовь, которую большинство чехов питало к своей стране, к своему заводу, к обычаям, крепко вошедшим в трудовую, отмеченную культурой и достатком жизнь.

В первые дни после приезда в Чехословакию Эгон не мог отделаться от чувства, будто прибыл сюда подышать свежим воздухом гор, а совсем не для работы, направленной к тому, чтобы разрушить этот покой и разбить тишину.

Сначала ему казалось, что жизнь течет здесь особенно безмятежно, без тревожных волнений и политической борьбы, отравлявших его существование в Германии.

Но скоро он понял, что ошибается. Его иллюзии были развеяны первой же дракой в пивной, где на мирно распевавших свои песни чехов напала банда хенлейновских головорезов. Вместо коричневых рубашек нацизм явился сюда в белых чулках, но это был он, сто процентный гитлеризм. Те же погромные лозунги, те же замашки громил и такие же тупые физиономии. Белочулочки готовы были избивать всякого, кто не поднимет руку в нацистском приветствии, не завопит «зиг хайль» или «хайль Гитлер». Хорошо знакомый каждому немцу арсенал средств воздействия – пистолеты, стальные прутья, кастеты – был тут как тут.

Да, это были его соотечественники, это были немцы. Фатерланд шествовал за ним по пятам. И Эгон не мог не сознавать, что и он сам является одним из тех, кого этот фатерланд послал прокладывать дорогу через Судеты. Лишь тогда, когда удавалось с головою уйти в работу, Эгон забывал, для кого и ради чего он ее выполняет.

И все-таки здесь было лучше, чем дома. Хотя бы потому, что не чувствовалось на каждом шагу почти неприкрытой слежки. Здесь можно было надеяться, что хоть кто-нибудь говорит с тобою не для того, чтобы выведать твои мысли и донести в гестапо.

Эгон потянулся, намереваясь встать, но поблизости хрустнули ветви под чьими-то шагами. Он снова опустился в траву. Ему не хотелось ни с кем встречаться.

Шаги приблизились и замерли рядом.

Эгон еще некоторое время полежал тихо, потом осторожно выглянул из-за кустов и увидел Рудольфа Цихауэра, рисовальщика из его собственного конструкторского бюро. Он знал, что Цихауэр – немец и антифашист, – не то такой же полубеглец, как он сам, не то попросту эмигрант. Во всяком случае – человек, с которым можно было поговорить, не боясь доноса.

Эгон молча следил за тем, как Цихауэр раскинул на коленях альбом и взялся за карандаш.

– Пейзаж кажется вам привлекательным? – спросил Эгон.

– Вероятно, на свете есть более красивые места, но мне хочется зарисовать это на память.

– Вы намерены уехать?

– Едва ли наши дорогие соотечественники будут интересоваться моим желанием, когда придут сюда.

– Вы уверены, что это случится?

– Так же, как в том, что они с удовольствием отправили бы меня обратно в Германию...

Но мне-то этого не хочется!

За минуту до того Эгон думал о своем отечестве ничуть не более нежно, но ему было неприятно слышать это из уст другого. В душе поднималось чувство протеста, смешанное с чем-то, похожим на стыд.

– Можно подумать, что вы не немец, – с оттенком обиды проговорил он.

– А разве вы сами, доктор, не бежали сюда?

– Это совсем другое дело.

– А мне сдавалось, что и вас тошнило от Третьего рейха.

Эгон пожал плечами. Он не знал, что ответить. В душе он был согласен с художником, но повторить это вслух...

Цихауэр принялся точить карандаш. Бережно снимая тоненькие стружечки, насмешливо цедил:

– Вам не нравится, что, ложась спать, вы не боитесь быть разбуженным кулаком гестаповца, вам скучно без концлагерей? – И он протянул руку, указывая на мирную панораму завода. – Будет, милый доктор, все будет. И очень скоро!

– Этому я не верю! – живо возразил Эгон, поднимаясь с травы. Волнение не позволяло ему больше оставаться неподвижным. – Объясните мне: почему я должен бороться здесь против всего немецкого? Я этого не понимаю.

– Если вы не понимаете, то...

– Что же?

– ...сами погибнете вместе с ними, с этими негодяями, изображающими себя носителями некой «германской идеи», а на самом деле являющимися отъявленными грабителями и убийцами. Именно из-за того, что болото «не поняло» вовремя, что грозит ему на пути с Гитлером, оно и пошло за ним. Вместе с ним оно и исчезнет!

Машинально сплетая гибкие прутики, Эгон слушал.

– Все это не так просто, – сказал он в раздумье. – Может быть, есть доля правды в том, что говорит патер Август...

– Август Гаусс?

Цихауэр покосился на Эгона. Но тот не заметил этого взгляда и продолжал:

– Он говорит, что теперь, когда Гитлер делает общенемецкое дело...

– Это говорит Август Гаусс, тот самый патер Гаусс? – Цихауэр захлопнул альбом и поднял лицо к собеседнику. – Вы совершенно забыли Лемке?

– Ах, Цихауэр! – почти в отчаянии воскликнул Эгон. – С чужой земли все это выглядит иначе. Может быть, я немного запутался...

– Я понимаю, доктор: человека не так легко перевоспитать. Но сейчас нужна ненависть, всепоглощающая, сжигающая за собою все мосты!

– Но вы ведь тоже не ездите отсюда в Германию с бомбами за пазухой, – усмехнулся Эгон.

– Мы посылаем бомбы почтой, – сказал художник и в ответ на удивленный взгляд инженера перекинул несколько страниц своего альбома. Эгон увидел целую серию шаржей и карикатур, заготовленных для подпольного издания «Роте фане».

– Да, – в раздумье произнес Эгон, – у вас есть основание бояться их прихода.

– Дело не в этом, мы их вовсе не боимся! Мы просто должны сделать все, что можем, чтобы они здесь не очутились!

– Что это может изменить?

– Если бы народы окружили нацизм огненным кольцом ненависти и непримиримости, он, как скорпион, умертвил бы себя собственным ядом.

– Я не вижу этой непримиримости вокруг, – неуверенно произнес Эгон.

– Вы многого не видите! – воскликнул Цихауэр. – Поймите: те, кому это на руку, усыпляют в народах бдительность.

– Не понимаю, о чем вы?

– Узнаю немецкого инженера. Расчеты, формулы, немного биржевых бюллетеней, – остальное да минует меня!

– Уезжая с родины, я искал прежде всего покоя.

– И нашли?

Эгон долго в задумчивости смотрел на темнеющие по склонам гор массивы лесов. Вместо ответа грустно покачал головой.

– Скребет вот здесь? – и Цихауэр с улыбкой показал себе на грудь. – Значит, не все потеряно!

4

Эгон шел, отгоняя назойливые мысли: не ради этих размышлений он приехал сюда. Его мысли должны принадлежать проекту, производству, за руководство которым он получает деньги.

С некоторых пор на завод стали поступать непрерывные рекламации на самолеты, сдаваемые по заказу чехословацкой армии. Обнаруживались странные неполадки, мешавшие ставить самолеты в строй. Причину этих неполадок следовало искать где-то между заводским летчиком, благополучно сдававшим самолеты военному приемщику, и отделом отправки. Когда Эгон поручил Штризе найти причину неполадок, тот сделал вид, будто в один день закончил расследование. Он высказал убеждение, что прямым виновником, притом виновником злым, является пилот Ярослав Купка, единственный сохранившийся еще на заводе летчик-чех. По словам Штризе, именно Купка портил самолеты после их официальной сдачи в воздухе. Штризе высказал предположение, что Купка – шпион, может быть, польский, может быть, венгерский. Он не советовал поднимать вокруг этого дела шум, а немедленно удалить Купку и на том покончить.

Все это казалось Эгону странным: не кто иной, как именно Купка указал Эгону на повреждения. Было просто удивительно, что шпион донес на самого себя. Эгон решил рассказать обо всем директору завода доктору Кропачеку.

Кропачек энергично восстал против предположения Штризе. Он слишком хорошо знал Купку, он потребовал у Эгона доказательств. Тот не был уверен, что они есть и у самого Штризе. Поэтому он решил устроить встречу Кропачека со Штризе и направился теперь к директору, жившему на уединенной вилле неподалеку от завода.

Кропачек был симпатичен Эгону. Живой, энергичный толстяк с приветливым розовым лицом, розовой лысиной и такими же пухлыми, как весь он, розовыми руками, он обладал веселым и покладистым нравом. Его суждения отличались ясностью и прямоотой, от которых Эгон успел уже отвыкнуть на родине.

Как делец Кропачек был полной противоположностью Винеру, раздражавшему Эгона мелкой скарелностью, подозрительностью и нетерпимостью к людям. Винер неизменно и настойчиво требовал одного: служения его – и только его – интересам. Эгон сразу увидел, что эта пара не сможет сработаться.

Кропачек, как всегда, приветливо встретил Эгона. Усадив его в кресло и пододвинув к нему коробку с папиросами, директор заговорил быстро и взволнованно:

– Чем больше я думаю об этой истории, тем неприятней она мне представляется.

– Нужно ее распутать.

– Мне, старому патриоту завода, пятно на его репутации кажется непереносимым! Но пусть меня покарает Господь, если я соглашусь уцепиться за первый попавшийся предлог, чтобы свалить вину на того, кто виноват не больше нас с вами.

– Штризе уже расследовал дело.

– О, я его знаю: этот тянуть не любит!

– Говорят, он уже раньше работал здесь?

Кропачек ответил не очень охотно:

– Да, он учился в Чехии. Карьеру инженера начал на моем заводе.

– Говорят, – осторожно начал Эгон, – будто он приходится вам родственником.

– Очень дальним, по жене.

Было заметно, что Кропачеку не хочется поддерживать эту тему.

– Этого вполне достаточно, чтобы вы могли ему безоговорочно доверять, – заметил Эгон.

– Пауль сильно изменился, – уклончиво проговорил толстяк. – Он перестал понимать нашу жизнь.

В это самое время Штризе сидел на заводе, в застекленной клетушке механика по выпуску Фрица Каске – небольшого вертлявого человека с ярко-рыжей головой и измятым лицом. Каске не пользовался на заводе популярностью. Когда он появлялся, когда слышался его злобный фальцет, большинство рабочих, и далеко не одни только чехи, пренебрежительно отворачивались, не желая вступать с ним в ссору. Но чем крепче становилась на ноги судетская поросль национал-социализма, тем увереннее чувствовал себя Каске, тем громче и грубее делались его окрики.

Пауль Штризе был едва ли не единственным человеком на заводе, при виде которого Каске мгновенно умолкал. В данный момент рыжий механик почтительно стоял перед инженером и, насколько мог, внятно, стараясь скрыть сильную шепелявость, говорил:

– Даю вам слово, я сумею обвинить Купку.

– Ваш способ выводить из строя самолеты никуда не годится.

– Мне кажется... – робко начал было Каске, но Штризе оборвал его:

– Пусть вам кажется только то, что кажется мне! Нужно найти такой способ выводить из строя сданные самолеты, чтобы ничего не было заметно. Они должны разваливаться в воздухе при первом полете в чешской воинской части. Тогда каждая авария не только будет выводить из строя машину, но будет гибнуть и летчик... Поняли, Каске?

– Вполне, господин Штризе, но ведь если это обнаружат... В стране чрезвычайное положение...

Брови молодого инженера угрожающе сошлись.

– Уже поджали хвост?! Вы, что же, представляли себе работу для фюрера как забаву, за которую на вас будут сыпаться только награды?

– Я готов служить фюреру.

– Он требует не готовности, а службы! – строго сказал Штризе.

– Понимаю, господин Штризе!

– И заодно уже запомните: я для вас не Штризе, а господин штурмбаннфюрер! – По мере того как инженер говорил, руки Каске все послушнее вытягивались по швам. – Завтра доложите мне, что вы придумали для вывода самолетов из строя в воздухе. – Забыв, что он находится в камере Каске, Штризе крикнул: – Все, можете убираться!

Каске послушно повернулся кругом и вышел.

Через пятнадцать минут Штризе входил в кабинет Кропачека. В прежнее время жизнерадостность Пауля всегда заражала Эгона. Теперь же он думал, что здесь, в Чехии, у Штризе появилась излишняя самоуверенность, даже развязность, которой не было в Германии. Мысленно Эгон определил это так: «Стал похож на завоевателя».

Эгон настороженно прислушивался к его голосу. У молодого инженера не было доказательств виновности Купки.

Кропачек был доволен. Разговор перешел на частные темы:

– Мне говорили, вы любите музыку, – с интересом осведомился Кропачек. – Это необычно кстати! Да, мы можем составить отличное трио: вы, Пауль и моя виолончель! Это будут отличные вечера... Вы должны чувствовать себя здесь, как дома. Да, да, именно так: у нас все чувствуют себя, как дома, говорю вам прямо!

Он несколько раз тряхнул руку гостя, и его усы задорно-весело топорщились, когда он смотрел на него поверх старомодных золотых очков.

– Нам по дороге, – сказал Эгон Штризе, но Кропачек удержал молодого человека.

– Ты мне нужен.

Когда Шверер ушел, Кропачек несколько раз пробежался по комнате, быстро перебирая коротенькими толстыми ножками, словно катаясь на маленьких колесиках. Так он подкатился к письменному столу, побарабанил по нему пухлыми пальчиками и, резко обернувшись к Штризе, поднял очки на лоб.

– Ты меня сильно огорчаешь! – крикнул он, но при этом тон его был почти веселым. – Да, да, именно огорчаешь! Говорю тебе прямо. Пожалуйста, не смотри на меня глазами изумленного ангела: я все заметил, решительно все... – Он понизил голос почти до шопота и таинственно проговорил: – Ты якшаешься с этим рыжим Каске. Брось! Он дрянь. Это я тебе прямо говорю, настоящая дрянь. Я его непременно выгоню с завода!

Штризе насторожился:

– Что вы против него имеете, дядя Януш?

– Где бы ни появилась эта рыжая пиявка – крик, ссоры. Да, да, ты не поверишь: он устраивает даже настоящие драки. – Кропачек угрожающе поднял свой розовый кулачок. – Пусть отправляется туда, где хотят видеть хенлейновских башибузуков. Мне они не нужны. Не нужны, это я прямо говорю.

– И совершенно напрасно! – проговорил Штризе.

Директор удивленно вскинул на него глаза:

– Что ты сказал?

– Кое-что следует держать про себя.

– Ах, вот что: держать про себя! Только этого еще недоставало: бояться у себя дома говорить правду. Когда и где это было видано, чтобы я боялся говорить правду, а? – Он подбежал к Штризе, приподнялся на цыпочки и погрозил: – Смотри, не начни и ты вилять хвостом, как вся эта дрянь в белых чулках!

– Дядя!..

– Знаю, знаю, что ты не такой. Потому и говорю: держись. Честный человек может жить с открытыми дверями и всем смотреть в глаза.

Штризе пристально посмотрел в живые глаза толстяка.

– Именно так я и делаю, – сказал он.

– Каске тебе не компания, – успокоился Кропачек. – Послушай-ка, Паулюш, вот о чем я хочу тебя спросить... – И вдруг замахал руками: – Нет, нет, ничего, иди. Вечером ждем к чаю.

Пауль поглядел на него исподлобья.

– Что у вас там такое?

– Да, да, именно «такое». Хотел сказать, а теперь не скажу!

– Интригуете? – натянуто улыбнулся Штризе.

– Интригую, именно интригую! – Кропачек подпрыгнул на носках и щелкнул Пауля в лоб. – Эх, ты!.. – Он повернул его за плечи к двери и ласково шлепнул по спине. – Вечером потолкуем. О, я старый интриган! – и рассмеялся.

Он долго еще смотрел на затворившуюся дверь, словно ждал, что она снова откроется и он услышит то, о чем хотел спросить Штризе. Его вывело из задумчивости появление жены, пани Августы, большой дородной женщины с еще красивым моложавым лицом, увенчанном тщательно сделанной прической из высоко, по-старомодному, взбитых и завитых седых волос.

– А, королева! – радостно приветствовал ее Кропачек. – Ты умеешь появляться в тот момент, когда мне именно тебя-то и недостает. – Он с нескрываемым удовольствием поцеловал ее полную руку и немного виновато продолжал: – А я ведь так и не решился заговорить с Паулем. Тебе бы следовало самой, а? В конце концов, он твой племянник или мой?

– Мой племянник?! – Слегка подрисованные брови пани Августы грозно шевельнулись. – Может быть, ты скажешь, что и Марта – моя дочь, а не твоя?

Кропачек стремительно описал по комнате круг и с разбегу остановился перед женой. В его голубых навывкате глазах не осталось ни капли веселости.

– Да, да, именно это я и хотел сказать! – решительно крикнул он. – Прямо говорю тебе: будь она женой Яроша, все было бы уже в порядке!

– Так! – Пани Августа величественно опустилась в кресло с высокой спинкой, стоявшее за письменным столом, и взяла в руки большой костяной нож.

Постукивая им по столу, от чего на синем сукне оставались прямые длинные бороздки, она внушительно проговорила:

– Вы, пан Януш, по-видимому, предпочли бы видеть свою дочь несчастной, чем поломать немного вашу директорскую голову над тем, как помочь ей в беде?

Пан Януш виновато опустил глаза. С напускной небрежностью пробормотал в усы:

– Мне больше не над чем ломать голову, как только над любовными делами девчонки...

– Вот это отец! – В голосе пани Августы прозвучал пафос, и она ножом указала кому-то невидимому на мужа. – Так вот что: Купка девочке не пара!

Кропачек, начавший было снова прохаживаться по комнате, остановился как вкопанный и, моргая, уставился на супругу.

– Не смей так смотреть на меня! – крикнула пани Августа. – Не смей смотреть!.. Я не сказала никакой глупости.

С неожиданной решительностью директор сделал несколько быстрых шагов к столу и так же громко крикнул:

– Глупость, именно глупость! Ярош – это и есть настоящая пара для нее! И ты, моя милая, была того же мнения, пока не вернулся из Германии этот твой Пауль. Именно тут и пошло все кувырком. Да, да, да, я прямо говорю!

Пани Августа пренебрежительно молчала, величественно откинувшись в кресле и играя ножом для бумаги.

– Я сам спрошу дочь, что она нашла в твоём Пауле, – решительно сказал он. – Как будто любовь – это так... Сегодня Ярош, завтра Пауль, а там не знаю, кто еще... может быть, Каске!

Нож с треском опустился на бювар:

– Януш!.. Речь идет о счастье девочки, о ее жизни.

– Только об этом я и думаю.

– Она не может быть женой Яроша!

– Это еще почему? – Кропачек даже приподнялся на цыпочки, хотя ему вовсе не нужно было смотреть на нее снизу вверх, когда она сидела. – Это почему же?

– В наше время...

– Время как время, не вижу ничего особенного! – Он с наигранной наивностью пожал плечами.

– Не говори глупостей! Сейчас никто не позволит, чтобы девушка с немецкой кровью в жилах вышла замуж за чеха!

И она тотчас же пожалела, что эти слова сорвались у нее с языка. Лицо Кропачека побагровело, и пани Августа испуганно вскочила, отбросив нож.

– Что ты сказала?.. Что ты сказала? – раздельно, но очень тихо повторил он, продолжая машинально то приподниматься на носках, то снова опускаться. – Что... ты... сказала?

Она подошла к нему и тоном ласкового убеждения быстро заговорила:

– Нельзя же, Янушку. – Она попыталась взять его за руку, но он вырвал руку и спрятал за спину. – Сейчас, когда такое... это было бы ошибкой.

– Ага!.. Теперь я понимаю: брак с чехом – ошибка. Значит, и то, что Марта – дочь чешского мужика, тоже ошибка? И твой брак с чехом, вероятно, тоже ошибка... – Он неторопливым движением снял очки и, совершая ими какие-то неопределенные движения, словно писал в воздухе, продолжал бормотать: – И вообще все, что здесь происходит, тоже одна ужасная, огромная ошибка.

Пани Августа обняла мужа за плечи и, припав лицом к его плечу, заплакала. Он продолжал стоять с вытянутой рукой, в которой поблескивали очки. Потом он их выпустил, и очки неслышно упали на ковер. А рука его легла на голову плачущей жены и стала растерянно гладить по сбившимся волосам.

– Боже мой, – прошептал он, припадая губами к ее лбу, – откуда все это?.. Хотел бы я знать, откуда это?

5

В Германии Кроне забыл, что такое чувство опасности, привыкнув сознавать себя настоящим немцем и полнокровным наци и чувствуя свою полную безнаказанность. Тем более трудно было ему признаться себе теперь, что ощущение постоянного присутствия за спиной чего-то постороннего есть не что иное, как самый обыкновенный подлый страх. Здесь, на чуждой ему славянской земле, он всем своим существом ощущал собственную враждебность не только к людям, но, казалось, и к самой природе. А сохранившееся чувство реальности говорило ему, что единственной правильной реакцией на эту его ненависть ко всему здешнему может быть только ответное неприятие его самого как темной и враждебной силы, пришедшей предавать и разрушать.

Порой он пытался доказать себе, что чехи не должны питать неприязни к нему, американцу, мистеру Мак-Кронин. Но эти утешительные мысли быстро тонули в трезвом сознании того, что он давно уже, даже в сокровенных тайниках своей души, не чувствует себя частью собственного народа, природному здравому смыслу которого и доброй воле он, Мак-Кронин, противопоставлен. Он не пытался анализировать силы, по воле которых оказался враждебен и собственному народу. Наличие в его жизни сил ванденгеймовского золота и власти Говера стало чем-то столь же органическим, как для верующего божественная воля. Лишиться этих движущих сил было бы для него равносильно тому, чтобы очутиться в безвоздушном пространстве. Атмосфера нравственной чистоты, бывшая для миллионов людей кислородом, явилась бы для него чем-то вроде углекислоты, в которой он должен был бы задохнуться.

Мысль о принадлежности к американской нации показалась самому Кроне несостоятельной, почти вздорной. Разве сам он мог отделить свое американское «я» от второго – благоприобретенного, немецкого? Это второе, немецкое «я» давно уже перестало для него быть маской. Оно гармонично и полно сливалось с его природой американского разведчика. Не существовало никакой разницы в целях, которые он преследовал как агент Ванденгейма – Говера и как гестаповец. А это было главное – цель, цель его хозяев и его собственная.

Они совпадали.

Да, в Чехословакии Кроне испытывал чувство обыкновенного страха. Страх следовал за ним неотступно. Кроне сделал открытие: он трус.

Прохаживаясь по лесной тропинке с Августом Гауссом, которого он вызвал на свидание, Кроне крепко сжимал кулаки, засунутые в карманы. Страх подкрадывался к нему из-за каждого дерева. Враждебными казались эти деревья, лесная темень. Закрадывалось чувство зависти к той беззаботной легкости, с которой держал себя Август.

– Мы должны получить в свои руки и Зинна, и Цихауэра, – мрачно ответил Кроне. – Оставить их здесь – значит иметь удовольствие не сегодня-завтра снова услышать голос «Свободной Германии».

– В первый же день, как Судеты станут немецкими, мы накроем всю компанию.

– Вы должны помочь мне теперь же!

– Я не могу компрометировать себя. А такая игра не осталась бы тайной, – возразил Август. – Потерпите, потерпите, Кроне. И лучше будет, если вы не станете меня таскать на эти любовные свидания. Это может дорого обойтись нам обоим.

Кроне в задумчивости потрогал носком ботинка светившуюся возле пня гнилушку, молча повернулся к Августу спиной и пошел прочь.

Он ждал, что за спиной его послышится смешок патера, и знал, что тогда он обернется и крикнет что-нибудь грубое, чтобы сорвать накопившееся раздражение и прикрыть боязнь всего окружающего. Но Август не только не издал ни звука, он даже не взглянул в сторону Кроне. Как ни в чем не бывало он стал закуривать сигару.

Кроне шел, вздрагивая от каждой хрустнувшей под ногой ветки, и все крепче стискивал зубами папиросу. Прежде чем постучать в дверь показавшегося среди деревьев домика, он обошел его кругом, прислушался, посмотрел на все окна. Он боялся засады даже здесь, в жилище Каске, служившем конспиративной квартирой агентуре гестапо.

Когда Кроне вошел, Штризе сидел за столом и, разглядывая потрепанный альбом, потягивал пиво. Он тотчас откупорил новую бутылку, но Кроне с гримасой сказал:

– Нет ли тут чего-нибудь крепкого?

Штризе рассмеялся:

– У вас такой вид, словно на улице мороз.

Кроне и вправду едва удерживался от того, чтобы не лязгнуть зубами, и нервно повел лопатками.

– Действительно... холодно!

Штризе, распоряжаясь, как дома, обыскал буфет Каске и налил полстакана анисовой водки. Кроне медленно выпил ее и некоторое время сидел, прижав ладонь к глазам. Наконец, не отнимая руки от лица, негромко пробормотал:

– Что у вас там?

Штризе никогда не видел его таким.

– У меня?.. Вы же сами хотели меня видеть.

Кроне отнял руку, и на лице его отразилось напряжение мысли. Он медленно проговорил:

– Нам нужны заложники, чехи.

– Мы держим кое-кого на прицеле.

– Их нужно... туда! Фюрер желает иметь их под рукой. Могут понадобиться расстрелы.

– Прежде чем мы войдем сюда? – удивился Штризе.

– Именно для этого. Может быть, нужно будет вызвать чехов на эксцессы.

– А-а... – Штризе понимающе кивнул. – Много нужно?

– Мелюзга не нужна. Вы должны перебросить в Германию Кропачека.

Пауль удивленно моргнул и переспросил:

– Директора Кропачека?

– Поскорее и без шума. Лучше всего, чтобы он поехал сам, по каким-нибудь делам, что ли...

На лице Кроне появилась гримаса усталости.

– С семьей? – спросил Штризе.

Кроне подумал.

– Кого-нибудь из двух – дочь или жену. Другая пусть остается тут.

Пауль понимающе кивнул.

Они помолчали.

Кроне, нахмурившись, с неприязнью смотрел на молодого инженера. Почему и Штризе, и патер Гаусс – оба чувствуют себя здесь, как рыба в воде? Они не боятся или научились скрывать страх?

Чтобы нарушить возбуждающее зависть спокойствие Штризе, Кроне сердито спросил:

– Все поняли? Дело должно быть сделано. Я не потерплю никаких отговорок.

– Все, что смогу...

– К черту! Я должен знать: когда Кропачек вылетит в Германию?

Штризе пожал плечами:

– К сожалению, пока еще директор тут он, а не я.

– Если вы будете так работать, то вам не видать директорского кресла, как своих ушей.

«Все, что смогу...» – передразнил он.

Крепко сжатые кулаки Штризе лежали на столе по сторонам пивной кружки. От его лица отхлынула краска, брови сдвинулись, подбородок угрожающе выпятился. Можно было поду-

мать, что он удерживается от искушения схватить тяжелую кружку и опустить ее на голову собутыльника. Но на Кроне его угрожающий вид не произвел никакого впечатления. Ему были страшны не такие, не свои, не немцы. Он боялся темноты чешского леса, закоулков чешских городов, загадочной глубины чешских глаз...

– Проводите меня до отеля, – сказал он, не заботясь больше о том, как поймет это приглашение Штризе. Но, подумав, как бы невзначай прибавил: – В этих трущобах я не найду дороги до городка.

Он старательно застегнул пальто, переложил пистолет в наружный карман и кивком головы приказал Штризе погасить лампу.

6

Корт был окружен пожелтевшими буками. Совсем недалеко, за деревьями, слышался шум набухшей от осенних дождей реки. Возгласы играющих не нарушали, а еще больше подчеркивали тишину, заполнявшую уединенный уголок парка. Это не была звонкая, горячая тишина лета, состоящая из неуловимого жужжания насекомых, шороха трав и неутомонной возни птиц, а усталый покой увядающего леса, уже не сопротивляющегося приближению неизбежного октября.

Быстрые движения белых фигур игроков то и дело прорезывали яркую желтизну площадки. Игра Марты была ничуть не менее стремительной и точной, чем удары ее противника. Ослепительный смэш, данный ею к самой сетке, заставил Яроша сделать длинный прыжок. Но зато и ей пришлось, в свою очередь, мчаться что было сил, чтобы взять коротко срезанный мяч. Она приняла его и с возгласом торжества послала противнику, но, прежде чем успела опомниться, отраженный молниеносным драйвом мяч прочертил по песку и плоско ушел за линию, едва не заставив Марту растянуться и бесплодной попытке отрезать ему путь.

– Два – один! – негромко, словно смущаясь своего выигрыша, крикнул Ярош.

Марта сбросила козырек.

– Только, пожалуйста, не делай вида, будто это само собою разумелось.

Он улыбнулся.

– Хочешь реванш?

– Пауль возьмет его за меня, – сказала она, устало опускаясь на скамью.

Веселость Яроша сняло как рукой. Он хмуро осмотрел ракетку и стал с ненужной старательностью укладывать ее в чехол. Прошло еще несколько мгновений тишины. Ярош наконец не выдержал:

– Сказать правду, это перестало доставлять мне удовольствие...

Она посмотрела исподлобья на его нахмуренное лицо.

– Все Пауль и Пауль... – пробормотал он.

– Право, ты рискуешь стать смешным! – Она закурила. – Я всегда думала, что такого рода чувства у мужчин принято держать при себе. – И посмотрев ему в глаза, добавила: – Разве это не наша женская привилегия – вцепляться в волосы сопернице?

– Именно из-за того, что у нас делают любезную мину там, где следует дать в зубы, эти господа и лезут во все щели.

– Пауль все-таки мой двоюродный брат!

– Я говорю вообще о хенлейновцах.

– При чем же тут Пауль? Я никогда не видела его в белых чулках.

Ярош присвистнул:

– Вот в чем дело! Может быть, ты по-своему и права: он действительно не совсем такой, как здешние громилы.

– Ярош! – Марта сердито смяла сигарету. – Ведь тут его родина! Он поэтому и вернулся.

– Именно таких они и посылают сюда.

– Зачем думать нехорошее, если...

Он не дал ей договорить:

– ...если некоторым наивным чешкам хочется видеть своих в тех, кто явился только для того, чтобы убивать и разрушать?

– Разрушать свою родину? – В ее голосе прозвучал испуг.

– Да, разрушать страну, давшую им жизнь, вскормившую их. Все это для них жалкие условности!

– Ты... ревнуешь.

– Конечно.

– Пауль стал трезвее смотреть на вещи – вот и все. Он вернулся, наученный жизнью.

– Этих молодцов учила не жизнь, а их атаман, которого они называют фюрером. Пауль не тот, что был. Это совсем другой человек. С другой душой, с другой психологией. Он еще улыбается, он еще прячет когти, но недалек день, когда он выпустит их!

– Ты говоришь глупости!

– И тогда ты узнаешь настоящего гитлеровца. Такого, каких мы видывали в Испании. Их там и дрессировали.

– Не смей! Не смей так говорить о Пауле. Он был там совсем не за тем.

– Я-то знаю, зачем он был там!

– Я не хочу тебя больше слушать.

Марта отвернулась и стала собирать рассыпавшиеся волосы. Взяла сумочку и посмотрела в зеркало. Да, вот здесь и вся разгадка. Самая обыкновенная ревность! Именно поэтому наших молодых петухов будет труднее примирить, чем самых яростных политических противников. Впрочем, Марте это только льстит.

Она из-за сумочки украдкой взглянула на Яроша:

– Ну... отошел?

Он молчал, насупив брови.

– Не делай из мухи слона. Ты сходишь с ума от какой-то необъяснимой ненависти.

– Да, от этой ненависти действительно можно сойти с ума! Только она вовсе не необъяснима. Я и все мы отлично знаем, за что ненавидим эту проклятую гитлеровскую саранчу. Она пожрет все, что посеял чешский народ.

Марта резко отстранилась от него.

– Ты, наконец, забываешь: я тоже наполовину немка.

– Но между тобою и Паулем большая разница. Он из тех, кому не должно быть места на Чешской земле!

Он опустил на соседнюю скамью. Закурил.

– Давай переменим тему, – неохотно сказал он.

– Так-то лучше!

Они сидели, глядя на багровеющее закатом осеннее небо. Тени деревьев изрезали песчаную плоскость корта. В ветвях осторожно суетились птицы, устраиваясь ко сну. Время от времени они стайками перелетали с дерева на дерево. Когда стихали шум крыльев и возня на ветвях, становилось слышно отдаленное дыхание завода. Это не был ясный, определенный звук, а лишь ритмический гул, который нельзя было назвать иначе, как симфонией большого промышленного предприятия, слишком сложной и монолитной, чтобы в ней можно было выделить звучание отдельных инструментов. Впрочем, ухо Яроша не было ухом дилетанта: прислушиваясь к доносящимся из долины голосам завода, он отчетливо представлял себе их происхождение. Его связь с заводом не ограничивалась теми пятью годами, которые он провел тут летчиком-испытателем. Все его детство прошло в домике отца – машиниста силовой станции Вацлавского завода. И здесь же, на заводе, протекали месяцы его ежегодных студенческих практик.

Ярош не мог представить себе жизни вне завода... И если уж говорить откровенно – без Марты. А ведь Марта – дочь здешнего управляющего. Доктор Ян Кропачек пришел сюда вместе с первым заводским машинистом Яном Купкой. Значит, и старый инженер так же неотделим от завода, как сам он, Ярош.

Ему кажется, что старый управляющий так же хорошо, как он сам, понимает, зачем появилась на заводе эта группа немцев во главе с бородатой жабой Винером. Очень жаль, что Марта не хочет серьезно отнестись к тому, что перестало быть секретом для кого бы то ни было из желающих смотреть правде в глаза. Что это – простая девичья беспечность или?..

В калитку, соединявшую корт с парком, вошел Луи Даррак.

– Все философствуешь? – с улыбкой сказал француз.

– Вот, вот, – воскликнула Марта, – с ним невозможно говорить!

– Сейчас я его расшевелю! Новости, Ярош!

– Ты никогда не приносишь хороших.

– Да, тяжелая рука, – Луи как бы в подтверждение этого поднял было худую руку с узкой длинной кистью музыканта, но тут же смущенно спрятал ее за спину. Он все еще не мог привыкнуть к тому, что на ней не хватало трех пальцев. Именно на левой руке и именно тех, которые больше всего нужны скрипачу. – Сегодня на витрине булочной старухи Киселовой появился плакат: «Немцы покупают хлеб только у немцев».

– Подумаешь, новость! – сердито проворчал Ярош.

– И на пивной Неруды и на колбасной Войтишка тоже.

– Негодяи!

– В этом, конечно, нет ничего неожиданного, но странно: полиция не позволила нам сорвать эти плакаты!

– Наши полицейские? Они не позволили?.. Казалось, Ярошу не хватало воздуха.

– Говорят, чехословацкое правительство обещало Англии не давать немцам никаких предложений...

– Предлоги! – воскликнул Ярош. – Это называется у них предлогами! Когда с нас будут стаскивать рубашку, когда нас будут бить сапогами по животу, мы тоже будем избегать предлогов?

– Еще год таких порядков – и немцы будут чувствовать себя тут, как дома, – пожимая плечами, сказал Даррак.

– Год?! – Ярош расхохотался. – Это случится через месяц! Не больше, чем через месяц, Пауль Штризе будет бить чехов по морде только за то, что они чехи. И его нужно будет называть господином штурмбаннфюрером... через месяц!

Он в бешенстве отшвырнул ракетку, порывисто поднялся и пошел прочь.

– Ярош – крикнула Марта. – Ярош!..

Ярош не обернулся.

– Он невыносим! – сказала Марта, стараясь казаться рассерженной, но в действительности едва сдерживая слезы.

Луи пожал плечами:

– Он не может не принимать это близко к сердцу.

– Я поверю чему угодно, – в отчаянии воскликнула девушка: – тому, что Гитлер хочет проглотить наши Судеты, даже тому, что говорят, будто он хочет пробить себе сквозь Чехию дорогу на юг, к Балканам, но этим глупостям насчет уничтожения славян поверить нельзя, нельзя!

– У хенлейновцев уже заготовлены списки тех, кто должен будет покинуть завод.

– Когда?

– Как только придут немцы.

– Я вас не понимаю!

– Тут не останется чехов.

– Какие глупости! – Марта пренебрежительно пожала плечами.

Быстро собрав ракетки и мячи, она пошла к дому.

Луи молча глядел ей вслед.

Когда фигура девушки скрылась между деревьями, Луи вышел с корта и медленно побрел в глубину парка. Он долго шел, задумавшись, когда вдруг увидел среди деревьев сидящего на земле Яроша. Он подошел к другу и, присев рядом, положил ему руку на плечо.

Ярош молча указал в сторону запада, где над синими силуэтами гор еще пылало зарево заката.

– Да, – сказал Луи, – как пожар!

– Он идет на Чехию, – негромко проговорил Ярош.

– Кто его остановит?

– Если нужно будет – мы, грудью! – Ярош вскинул голову. Его голос звучал твердо. – Мы зальем его своей кровью!

– Своей кровью? – В ласковых больших глазах Луи блеснул гнев. – Нет, мы будем заливать его кровью наци!

– А при чем тут ты?! – в раздражении воскликнул Ярош.

– Можно подумать, будто ты забыл, где мы с тобой встретились!.. Тогда ты поехал к испанцам, теперь они приедут помогать сюда. – И немного смущенно добавил: – Вообще все мы...

Ярош грустно улыбнулся:

– Опять интернациональная бригада?

– Если будет нужно...

– Я знаю, – уверенно сказал Ярош, – нам на помощь придут славяне: сербы, болгары, словенцы, черногорцы.

– На пилсудчиков не надейся, – скептически проговорил Луи.

Ярош в нерешительности посмотрел на француза:

– Но, может быть, придут и русские. Даже наверняка придут.

– Русские? – Луи подумал. – А ты знаешь, в этом нет ничего невероятного. Только бы Даладье не довел свою подлую игру до того, что сорвет и для русских возможность выполнить обязательства в отношении вашей республики.

– Впрочем, ведь речь идет о Чехословакии, – продолжал Ярош, – и заботиться о ней должны мы сами. Никто не полезет в пекло ради нас! Молодцы русские: они никогда не полагаются на других!

Луи хотел ответить, но его внимание привлек звук приближающегося по лесной дороге автомобиля. Из-за деревьев вынырнула маленькая, похожая на серую черепаху «татра». За рулем сидел худощавый брюнет с подвижным лицом, моложавость которого резко контрастировала с седыми висками. Затормозив, он поспешно выскочил из-за руля. Заметив его возбуждение, друзья в один голос крикнули:

– Что с вами, Гарро?

Он смотрел на них с удивлением:

– Как, вы ничего не знаете?! Чемберлен торгуется с немцами. Для отвода глаз он послал сюда какого-то лорда.

– На кой нам черт этот лорд? – гневно воскликнул Ярош.

– Он «изучает положение».

– Послушайте, капитан, – проговорил Луи, – не с ведома ли Даладье Чемберлен торгуется с немцами?

– О, Даладье! – воскликнул Гарро. – Это хитрый кабатчик! И этот его длинноносый Боннэ тоже.

– Тоже жулик первой статьи, – зло проговорил Луи.

– Но, но! Вы увидите: эти двое проведут и Гитлера, и англичан.

– Или нас с вами... Это скорее!

– Да, расплачиваться-то, по-видимому, будут все же нашей шкурой, – с горечью сказал Ярош.

– Перестаньте, Купка! – Гарро с жаром ударил себя в грудь. – Когда запахнет порохом, вы увидите, где будут французы.

– В воздухе уже пахнет этим снадобьем, – сказал Даррак и вопросительно посмотрел на своего соотечественника, как будто ожидал от него разъяснений.

Как член французской военной миссии, прикомандированный к Вацлавскому заводу, Гарро располагал данными, которых не было и не будет в печати.

– Я заехал к вам, – сказал он, – с совершенно мирными намерениями: вы обещали отвезти меня в Либерец, на демонстрацию независимости.

– Сейчас сговорюсь с Мартой, послезавтра мы едем, – отозвался Ярош.

– Стоит ли? – с сомнением произнес Луи. – Граница, немцы...

Но Ярош уже не слушал, он бежал к дому. Одним прыжком взлетел на веранду и уже открыл было рот, намереваясь позвать Марту, но слова замерли у него на устах: развалившись в шезлонге, перед ним сидел Штризе с книгой в руках.

Оживление Яроша погасло.

– Где Марта?

Пауль подвинул ему кресло.

– Садись...

– Мне нужна Марта.

Штризе отбросил книгу и поднялся.

– Ты не можешь ее видеть.

Не сдерживая себя, Ярош крикнул:

– На этот счет меня интересует мнение Марты, а не твое!

Он шагнул к двери, ведущей в дом, но Штризе загородил ему путь.

– Ты не можешь ее видеть, – повторил он.

Яроша одолевало желание ударить его. Охрипшим от ярости голосом он сказал:

– Сойди в сад!..

Пауль с усмешкой пожал плечами.

– Тебе действительно лучше сойти и... больше никогда сюда не подниматься.

Не помня себя, Ярош бросился к Паулю и поднял руку. Он не заметил, как Штризе сунул руку в карман и на его пальцах блеснула сталь кастета.

Дверь за их спинами распахнулась, и на балкон выбежала Марта. Она в испуге остановилась между молодыми людьми. Оба сразу, как по команде, приняли, насколько могли, неприличный вид. Ярош напрасно пытался придать своему голосу спокойные интонации, когда обратился к Марте:

– Я к тебе. Послезавтра мы едем в Либерец.

Штризе не дал ему договорить:

– Марта не поедет! – И добавил, стараясь придать своим словам как можно более обидную окраску: – С тобой она никуда не поедет!

Гнев снова залил сознание Яроша. Он шагнул к Штризе, но Марта загородила Пауля собою.

– Ты с ума сошел!

– Ты дала ему право распоряжаться собой?

Марта покраснела и опустила голову. Ярош ждал. Наконец он хрипло спросил:

– Уйти?

Она продолжала стоять с опущенной головой и молчала.

Ярош медленно повернулся и, шаг за шагом, спустился по ступеням веранды. Отойдя немного, он приостановился в раздумье, но удержался от желания обернуться и, подняв голову, быстро пошел, глядя прямо перед собой.

Марта так и стояла с опущенной головой. Слезы стекали по ее подбородку, и темные пятнышки отмечали их падение на полотно блузки.

– Ты не должен был... – нерешительно проговорила она.

– Вот еще! – воскликнул Штризе. – Пора все привести в ясность!

Он стукнул кулаком по барьеру веранды. Кастет, все еще надетый на его пальцы, издал громкий звук.

– Что это? – спросила Марта, боязливо притрагиваясь к стальным шипам.

Пауль коротким ударом расщепил край балюстрады. Марта в ужасе передернула плечами.

– Ты... ты мог бы...

Он взял ее за руку и сильным движением посадил в кресло.

– Поговори с отцом, пусть он уберет его отсюда.

– Яроша?.. Он же работает здесь с детских лет!

– Ему здесь не место... Ему и всей этой банде!

– Банде?

– Чехам.

– Но это же чешский завод!

– В прошлом!

– Папа – тоже чех...

– Тем хуже для него!

– Ты держишься так, словно ты тут хозяин.

– Да! Если дядя Ян хочет избавиться от неприятностей, он должен уехать. И как можно скорей!

– Я не понимаю, о чем ты говоришь.

– Тебе нечего и понимать. Пусть уезжает завтра же.

– Можно подумать, что мы не у себя дома...

Он нагнулся к ее лицу.

– Я хочу добра тебе и всем вашим, ты же знаешь!

Марта не могла смотреть ему в лицо, когда он говорил.

– Тут может произойти такое, чего не сумею отвратить ни я, ни кто-либо другой. Потом, когда все уляжется, отец вернется и все пойдет по-старому. Мы найдем ему место и дело... Ты же знаешь, чем я ему обязан. Неужели я оставлю его! Но теперь он пусть уезжает. Если ты его любишь, уговори его.

Он испытующе вглядывался в ее помертвевшее лицо.

– А мама? Она не оставит его.

– Я достану пропуска им обоим.

– Я знаю: папе нужно было во Францию, у него там много разных дел.

– Пусть летит во Францию! – обрадованно сказал Пауль. – Он получит пропуск через Австрию.

– Как странно! – прошептала она, оглядываясь так, словно смотрела на все, что окружало ее, в последний раз. – Нужно уходить из дома... Не понимаю, как могла бы я уйти. Мне, чешке, уйти из Чехии?

– Ты чешка?! – в деланном ужасе Штризе всплеснул руками. – Сколько тебе твердить: забудь, забудь, забудь! Ты рождена немкой. Пойми свое предназначение, Марта. Пойми высокую миссию, которую возлагает на тебя наш великий народ и наш фюрер.

– Я не знаю его, я не хочу его знать, – в страхе прошептала она.

– Тебе дано стать проводником наших идей в этой стране, нашим передовым бойцом. Мы пойдем с тобой рядом.

– Я не могу! – крикнула она, сбрасывая его руку со своей. – Я не могу оттолкнуть папу!

– Человек нашей крови может все!

– Мой отец – чех.

– Забудь его, отрекись от него.

Она вытянула руки, защищаясь от его слов.

– Пауль!

– Иметь отца славянина! Это достойно жалости. Кровь твоя должна возмутиться. Я не был бы тут с тобой, если бы не знал, что ты можешь стать нашей, забыть свое чешское прошлое! – Он торжественно поднял руку. – Я верю: наше великое северное начало возьмет верх над тем низким, что вошло в тебя с кровью славянина.

Он постарался скрыть раздражение, когда Марта, покачав головой, сказала:

– Папа не бросит заводов.

– Он предпочтет, чтобы его вывезли на тачке?

– Он не верит тому, что немцы придут сюда.

– А кто им помешает? – спросил Штризе заносчиво.

– Русские. – Сказала – и сама испугалась.

Пауль смотрел на нее с удивлением.

– Кто распространяет такие сказки?

– Папа верит русским.

– Вот когда большевики повесят дядю Януша, он будет знать, как им верить! А они его непременно повесят, если придут сюда.

– Он им ничего не сделал.

– Он директор завода, инженер... Этого достаточно.

– Я поговорю с папой.

Он с облегчением рассмеялся.

– Пойми же, мне было бы легче сидеть спокойно, ни о чем не заботясь, но я люблю тебя!

Ей так хотелось верить этому...

7

Деревья проплывали в свете фар, ажурными золотыми башнями. Несмотря на холодную осень листва еще только начинала опадать. Лемке казалось, что густой аромат ее увядания проникает даже к нему в кабину автомобиля. Лемке любил осень, любил ее запах, любил эти глухие уголки Грюневальда. Но сейчас его внимание было сосредоточено на том, чтобы не пропустить условленное место встречи. Он напряженно следил за поворотами, в которых мог разобраться только человек, хорошо знающий эти места.

Перекрестки были донельзя похожи один на другой, и в Лемке уже несколько раз закрадывалось сомнение: не пропустил ли он тот перекресток, где следовало повернуть, чтобы выбраться в самую заброшенную часть леса?

Нет, этого не могло быть! Слишком долго он ждал этой встречи, слишком хотел ее, чтобы... Но снова червь сомнения заставлял его придерживать ход машины, чтобы дать себе время приглядеться к подробностям лесного пейзажа. Нет, он не ошибался! Рука уверенно повернула штурвал, и машина углубилась в узкую темную просеку.

Лемке погасил большие фары и включил только одну горную, дававшую короткий, широкий пучок света. Лемке нужно было видеть обочины дороги.

Наконец-то! Наконец Клара! Его Клара! Он сразу различил ее маленькую фигурку, прижавшуюся к стволу огромного дерева.

Первым движением Лемке было нажать тормоз, выскочить из машины и бежать к жене, схватить ее в объятиях. Ведь он не видел ее столько времени! С того самого дня, как оставил в Любеке на таком опасном посту...

Но он тут же пришел в себя: молодец Клара! Она даже не пошевелилась у своего дерева. Только он, знавший, что она его тут ждет, и мог различить серую фигурку в мгновенно промелькнувшем луче фары. Никто другой и не заметил бы. Молодец, молодец Клара, – ни одного движения, серый плащ, серый платок на голове...

Лемке погасил свет и, проехав еще несколько шагов, остановился. Когда его глаза привыкли к темноте, он еще некоторое время приглядывался к дороге, потом постоял и прислушался. Наблюдение могло быть и за ним, и за нею. Ни один из них не должен был подвести другого. Но за ним можно было бы уследить только на автомобиле, значит, с этой стороны все спокойно. А у нее?

Смешно! Разве Клара остановилась бы тут, разве стала бы его ждать, если бы допустила хотя бы малейшее подозрение, что за нею следят?!

Лемке смело пошел в ту сторону, где он заметил ее фигуру.

Это было их личное свидание. Это был их час. Один час после месяца разлуки и перед расставанием неизвестно на сколько времени.

Только когда они, обнявшись, подошли к автомобилю, Лемке решился сказать, что из плана Клары увидаться еще разок, прежде чем ей придется ехать дальше, на запад, куда партия перебрасывает ее для подпольной работы, – что из этого чудесного плана... ничего не выйдет.

– Завтра утром я уезжаю в Чехию.

Она ни о чем не спросила, только подняла на него взгляд – такой лучистый, что казалось, глаза светились даже в лесной тьме.

Лемке сказал сам:

– Везу генерала Шверера.

– А ты не мог отделаться от этой поездки? – спросила она. И, заметив, что он пожал плечами, пояснила: – Ведь для работы тебе, наверное, лучше быть здесь?

– Я не могу вызвать и тени подозрения, что мне это нужно, – сказал он. – А без каких-нибудь веских причин генерал меня не оставит. – И со смехом прибавил: – Он меня очень любит... Я его лучший шофер.

– Я боюсь этой любви, Франц, – тихо проговорила она, – твоего генерала боюсь. Всех Швереров боюсь...

– Ну, ну... – неопределенно пробормотал он. – Наверное, мы скоро вернемся. Вряд ли наци решатся на военный поход против чехов... По крайней мере сейчас.

– От этих разбойников можно ждать чего угодно.

Клара подставила циферблат ручных часов слабому лучу месяца, прорвавшемуся сквозь облака и вершины деревьев.

– Ого!.. Пора!

Франц привлек ее к себе и после долгого поцелуя сказал:

– Садись рядом со мной...

Она в испуге отпрянула:

– Что ты!

– Я хочу довести тебя.

– В этом автомобиле?!

– Тем в большей безопасности ты будешь, эти десять минут. Кому придет в голову...

Она, не слушая, перебила:

– А если придет, если уже пришло?.. Если кто-нибудь узнает меня на первом же светлом перекрестке?.. – Клара заметно волновалась. – Позволить им поймать меня в твоей машине? Допустить твой провал из-за нескольких минут моего страха?! Ты подумал о том, какой опасности подвергаешь себя, свое место, эту явку, которую так ценит партия?!

Лемке опустил голову, как провинившийся ученик, взял руку Клары и прижал к губам.

Она ласково погладила его по волосам.

– Мне хотелось... еще несколько минут, – виновато сказал он.

– Знаю, все знаю, Франц... – прошептала она. – Верь мне, все будет хорошо, очень хорошо... Мы будем вместе, всегда вместе...

Она приподнялась на цыпочки и поцеловала его в губы.

– Иди!

И сама отворила ему дверцу автомобиля.

...Лемке ехал, ссутулившись за рулем, как если бы был очень утомлен. Вокруг его рта лежала глубокая-глубокая морщина.

Но вот автомобиль выехал на ярко освещенную аллею – и снова за рулем сидел прямой и крепкий человек, с сухим лицом, не отражавшим ничего, кроме профессионального внимания. Это был снова товарищ Лемке, которого партийные руководители считали образцом выдержки и человеком, особенно пригодным для конспиративной работы. Они были совершенно уверены, что у товарища Лемке не существует личного «тыла», может быть, даже не существует понятия семьи в том смысле, как это принято у менее целеустремленных и менее дисциплинированных людей...

А по темным аллеям Грюневальда, бессознательно оттягивая минуту – неприятную, но неизбежную, – когда нужно будет появиться в полосе яркого света, на улицах, где снуют чужие и часто враждебные люди, где на углах торчат шупо и где на каждом шагу может привязаться шпик, по аллеям Грюневальда пробиралась маленькая худенькая женщина с усталым лицом. На этом лице ярко, так ярко, что казалось, они светились в ночи, горели большие синие глаза...

Клара сняла с головы серый платок и повязала его кокетливым жгутиком вокруг тугого узла пепельных волос. Да, волосы ее были совсем-совсем серые и в лучах редких фонарей казались серебристыми, как седые. В тридцать лет?..

Завидя впереди синий свет у входа в подземку, Клара приостановилась, будто собираясь с силами. Глубоко вздохнула и, кинув последний взгляд на оставшуюся за спиной темную массу деревьев, решительно зашагала по площадке...

Лемке, как всегда, спокойно и уверенно вел свой автомобиль на юг.

Пелена удушливого дыма от выхлопов стояла над дорогой, стекала с насыпи и голубоватыми полосами повисала над полями, застревала среди деревьев.

Насколько хватал глаз, по дороге тянулись машины: автомобили – легковые, грузовые и бронированные; тягачи и транспортеры; моторизованная артиллерия и зенитные пушки. Все, что стояло на резиновом ходу, шуршало баллонами по асфальту. Сотни фургонов, покрытых причудливыми пятнами камуфляжа, тащились, похожие на злых насекомых.

Без всякой видимой причины все это останавливалось, выдыхало тучи синего зловония и снова, неожиданно рванувшись, устремлялось на юг. Под хлопающими на ветру брезентами виднелась плотная серо-зеленая масса солдат: глубокие стальные каски, винтовки между коленями, гранаты у пояса, ранцы и скатки – все, как на образцовых маневрах. За стенками бронетранспортеров, словно ряды поставленных доньями вверх котлов, виднелись шлемы мотопехоты.

Заглушая шорох шин, гудки автомобилей и крики солдат, лязгали гусеницами тянувшиеся по обочинам танки и тяжелые пушки.

Все двигалось, грохотало, все стремилось на юг.

На юг, на юг!..

Там вставал мираж еще невидимых, но возжеленных массивов Богемского леса. На юг, на юг!

– Вы видите, – в восторге воскликнул Шверер, – это непреодолимо!

Лицо лорда Крейфильда не отразило ни малейшего удовольствия. Ему был отвратителен этот грохот, и эта вонь, и вид людей, словно сросшихся с массой некрасивого, неуклюже склепанного, уродливо раскрашенного железа.

Бен считал войну весьма полезным и действенным средством в руках правительства его величества. Но это относилось к тем случаям, когда в войне можно было столкнуть другие страны с таким расчетом, чтобы плоды победы любой из них достались Соединенному королевству. Да, тогда Бен считал войну положительным явлением в жизни народов. Так же, как голод и некоторые эпидемии. Война в Южной Африке, голод в Индии, холера в Бирме – все это были факторы, полезно влияющие на состояние Сити и на могущество Британской империи. Но непременным условием своего благожелательного отношения к войне Бен считал то, что она должна была протекать за пределами достижения его, лорда Крейфильда, зрения и слуха.

Бен отдавал себе ясный отчет в целях своей нынешней миссии: оценить все «за» и «против» в большой игре, которую вел премьер. Прежде всего надлежало сказать, представляет ли немецкая военная машина силу, способную справиться с чехами, если тем взбредет в голову послушаться рекомендаций своих могущественных друзей – Англии и Франции – и оказать сопротивление Гитлеру.

Знать это было необходимо, чтобы не очутиться в глупейшем положении, когда вдруг оказалось бы, что потерявшие терпение чехи нокаутировали фюрера, на которого была сделана главная ставка министров его величества. Такой оборот дела мог бы иметь для Англии еще более далеко идущие последствия: неожиданное усиление континентальных позиций Франции. И, наконец, произошло бы то, о чем Бену доверительно рассказал Гаусс, – приход к власти в Германии генералов, которые с их фетишизацией планов и отработкой деталей еще отодвигают военное столкновение с Советами.

А ведь к этому столкновению Германии с Советской Россией и сводился для Англии весь смысл сложной и опасной игры. Правда, некоторая поспешность в натравливании немцев на

русских заключала в себе риск провала, но ведь рисковали-то немцы, а не англичане, – тут можно было и рисковать. Если немцев побьют, можно будет наскоро поставить их на ноги и снова пустить в дело.

Да, Бен сознавал значение своей поездки, но то, что ему пришлось нос к носу столкнуться со всеми этими железными принадлежностями войны, от соседства с которыми у него разболелась голова, вывело лорда из равновесия.

По восторженному виду Шверера и по тому, с какой уверенностью тот называл ему номера корпусов и дивизий, названия специальных частей и их назначение, Бен догадался, что его нарочно потащили в эту гущу войск.

Он решительно ничего не понимал и не поймет в их истинной ценности; он даже не в состоянии был ответить себе на вопрос: много ли тут войск или мало? Являются ли они последним словом техники или военной архаикой? Но чем дальше его везли, чем больше войск они со Шверером и Монти обгоняли, тем сильнее разбалчивалась у него голова, тем подавленней делалось настроение и тем легче он готов был поверить, что разговоры о военных приготовлениях Гитлера не были пустыми сплетнями. Он готов был согласиться с тем, что нацистская армия способна раздавить несчастную Чехословакию и, если прикажет фюрер, через сутки вступить в Прагу.

А Шверер, стремясь подавить англичанина зрелищем непреодолимой мощи германского оружия, сам приходил в восторг и, забывая о спутниках, то и дело приказывал Лемке остановиться, чтобы с часами в руках проверить прохождение контрольных пунктов теми или другими частями. Он приходил в раздражение от того, что «дурацкий балахон», как он называл штатский пиджак, лишает его возможности встать на сиденье автомобиля и обратиться к войскам с восторженным приветствием, какого заслуживали, по его мнению, эти серо-зеленые колонны. Он гордо вздергивал голову, видя, как час в час, минута в минуту войска проходили пункты, намеченные им самим в тиши берлинского кабинета.

Да, всю жизнь ему не везло, не повезло и тут: чего доброго, наступление начнется раньше, чем он успеет вернуться из Чехословакии. Прусту достанутся лавры подготовленной им, Шверером, победы.

Усатый негодник Пруст родился в рубашке. Всегда-то ему достаются плоды чужих трудов!

Шверер с таким же искренним восхищением отмечал четкость отрегулированной им гитлеровской машины убийства, с каким «мэтр Пари» проверял, вероятно, остроту ножа гильотины. По мнению Шверера, нужно было быть совершенным трусом или истерическим пессимистом, чтобы утверждать, будто в Европе есть сила, способная остановить эту машину войны, когда она двинется на восток.

– Трум-туру-рум, трум-туру-рум... Германское оружие, ты победишь весь мирр... германское...

Он поймал себя на том, что напевает в присутствии англичан. Покосился на Бена и почувствовал облегчение: тот был погружен в свои мысли и не обращал на него внимания. Генерал перевел взгляд на Отто, сидевшего вполоборота рядом с Лемке и, по-видимому, с таким же удовольствием, как отец, наблюдавшего движение войск. Смешно сказать: еще недавно Шверер готов был заподозрить этого отличного офицера чуть ли не в измене по отношению к армии. А за что?.. Да, будем смотреть правде в глаза: только за то, что тот раньше своего старого недальновидного отца определил политическую ситуацию.

Именно так: Отто раньше его понял, что нужно веку. Генерал даже не стал задавать сыну лишних вопросов. И отлично сделал! Допустим, что Эрнст не врал и Отто действительно сообщал кое-куда подробности жизни своего отца и шефа, – допустим! Так пусть уж лучше это делает его собственный сын, чем какой-нибудь посторонний лоботряс! По крайней мере, Отто

знает, что вся его будущая жизнь связана с карьерой генерала; он не так глуп, чтобы рубить сук, на котором сидит.

Да, жизнь становится все сложнее. Она заставляет во всем – вплоть до собственной семьи – пересматривать старые нормы. Уж не раз Швереру приходило в голову, что он был несправедлив и к Эрнсту. Конечно, тяжело обнаружить в своем доме вора в лице собственного сына! Неприятно знать, что воришка сваливает вину на его любимицу Анни. Но, пожалуй, еще неприятней было бы выдерживать косые взгляды сослуживцев, если бы Эрнст не сумел свалить вину с себя. К тому же он, как отец, должен был тогда же принять во внимание все обстоятельства, вызвавшие дурной поступок Эрни: у парня не было денег на жизнь, соответствующую его положению. Старый колпак! Разве не узостью было с его стороны не понять, что мальчишке хочется лишний раз кутнуть с приятелями из его организации? А он раскипятился из-за каких-то отживших понятий о честности, с которой теперь не заработаешь и лейтенантской звездочки!..

Да, в конце концов он не смеет забывать, что является отцом трех молодых немцев. Впрочем, Эгона можно не считать, – тот уже достаточно твердо стоит на ногах. Но Эрнст и Отто – это же молодые немцы, идущие в славянские земли открывать новую эру в истории великой Германии! Не должен ли он поставить их на такие места, где вместе с внешним блеском на их долю выпадет нечто более реальное? Как никак, а ведь одной из задач созданной им армии является утверждение прав германцев на «жизненное пространство».

Согнать с земли славян, сесть на эту землю и заставить остатки побежденных служить себе – вот ради чего движется эта стальная машина. И он, Конрад фон Шверер, чей род успел растерять свои земли в Германии, он, ставший парией в среде немецких генералов из-за своего оскудения, теперь за себя и за своих сыновей отрежет такой кусок славянской земли, чтобы не стыдно было взглянуть в глаза внукам. В одну из ближайших ночей должно родиться новое племя германских владетельных баронов, чьи земли, завоеванные огнем и железом, будут тянуться по просторам всей Юго-Восточной и Восточной Европы!

Унесшись мечтой в беспредельные русские просторы, где ему мерещились будущие гигантские латифундии Швереров, он забыл о присутствии англичан. Неожиданное обращение впервые заговорившего Бена вернуло его к действительности.

– Не кажется ли вам, что было бы приятнее проехать какую-нибудь другой дорогой?

– Другой дорогой? – не понял Шверер. – Что вы имеете в виду?

– Весь этот шум! – И Бен, презрительно скривив рот, ткнул пальцем в сторону движущихся войск. Потом он страдальчески дотронулся пальцем до лба: – Еще я имею в виду мою голову...

Генерал повернулся ко второму спутнику, чтобы узнать его мнение на этот счет, но увидел, что Монти крепко спит.

Стараясь скрыть обиду, вызванную необъяснимым, на его взгляд, отношением лорда-инспектора к лучшему, что создано Богом – к немецкой армии, он отдал приказание Отто найти объезд.

По мере приближения к границе дорога, выбранная Отто по карте, становилась все хуже – недавнее прохождение по ней многочисленных войск давало о себе знать выбоинами и колеями. Шверер не без злорадства косился на Бена, морщившегося от толчков, и с удивлением видел, что Монти продолжает спать, как убитый.

Лес ближе подходил к дороге, подъемы и спуски делались все круче. На смену моторизованным колоннам появились горно-стрелковые части. Появилось много конных запряжек. Послышался привычный, милый сердцу Шверера стук обозных фур, звон передков, перебирающихся через каменные ложа потоков.

Наконец на смену повозкам пришли и выюки. Войска подтягивались к истокам небольшой реки, проложившей себе путь в теснинах Лужицких гор. Движение войск делалось все

медленней. Крупы лошадей, повозки, брезент санитарных фур и амуниции людей – все было мокро, все блестело, как лакированное. Дождь моросил непрерывно, затягивая серой пеленой лежащие впереди горы, прогалины леса, всю долину реки, в которую спускалась убегающая из-под автомобиля дорога. Войска двигались в молчании, и солдаты угрюмо поглядывали на штатских, перед которыми должны были сходить с дороги.

Рука Шверера по привычке то и дело тянулась к голове. Лишь коснувшись полей шляпы, он вспоминал о гражданском одеянии, в котором не мог достойно приветствовать войска.

В конце концов и Шверер с облегчением подумал о близком ночлеге. Но из-за того, что они свернули с главной дороги, пришлось остановиться не там, где предполагалось. Вместо подготовленного к их встрече замка они очутились в скромной деревенской гостинице, где их вовсе не ждали.

Бен удивленно причмокивал, вытянув губы, пробуя поданное ему крестьянское вино. Шверер краснел, хмурился и вздохнул с облегчением, когда Отто увел англичан в предназначенные им комнаты.

Монти зашел к брату, чтобы вместе выкурить вечернюю сигару. Он выспался в пути и, в отличие от Бена, был в прекрасном настроении.

– Ну, что скажешь?

Бен состроил страдальческую мину:

– У меня невозможно режет в желудке от этой немецкой кислятины, которую мы пили за ужином.

– Это тебе пришла фантазия свернуть с главной дороги?

– Я больше не мог выносить вони этих скрежещущих колесниц.

– Да, в кинематографе это выглядит гораздо привлекательней!

Бен раздраженно пожал плечами.

– Удивительно! – сказал он, с болезненным видом потирая висок. – Хорошие идеи приходят к тебе, когда они уже бесполезны. Нужно было послать сюда кинооператора, и мы могли бы все увидеть, не выходя из комнаты. Я уверен, будь тут Флеминг...

– ...было бы кому сформулировать твоё мнение о виденном?

– Всегда получается какая-нибудь глупость, если я послушаю тебя.

Бен в отчаянии опустился на постель и принялся расшнуровывать ботинок. Он, конечно, доедет до Праги, но – Всевышний свидетель! – он не взглянет больше ни на одну военную машину и не станет разговаривать ни с одним генералом. Все ясно и без того – немцы справятся с чехами и, судя по всему, готовы броситься в эту авантюру.

– Послушай, Монти, – Бен с досадой рванул запутавшийся шнурок (только этого еще не хватало: самому развязывать ботинки!), – найди мне бумагу и перо!

– Уж не собираешься ли ты писать донесение?

– Мне все ясно!

Монти расхохотался.

– А Флеминг?... Ты же напишешь невесть что!

– Лучше всего будет, если ты пойдешь спать, – резко сказал Бен и, когда дверь за Монти затворилась, уселся за стол.

Дорогой премьер-министр!

Вы, конечно, поверите тому, что мне решительно безразлично, будет ли Судетская область и вся Чехословакия принадлежать рейху или нет, но, поскольку я проникся, с ваших слов, уверенностью, что такой дар Гитлеру является единственным, что может примирить его с нами и послужить основанием для дальнейшего укрепления дружественных отношений, а может быть, и союза между Англией и Германией, все мои мысли направлены к тому, чтобы этот дар был сделан от нашего лица и без затрат для нас. С этих именно позиций я и подошел к решению той тяжелой задачи, которую вы, мой дорогой премьер-министр, поставили

передо мной. Мой вывод совершенно ясен: немцы не только решили взять себе то, что им нравится, но они имеют для этого достаточно людей и...

Бен на мгновение задумался. Его познания в военном деле не были так велики, чтобы дать в письме представление о значительности немецкого вооружения. Хотелось вставить какое-нибудь специфически военное слово, что-нибудь лаконичное, но в то же время достаточно внушительное. Он в мучительном раздумье потер висок и быстро дописал:

...холодного и горячего оружия. Считаю необходимым особенно подчеркнуть: если мы не поспеем с нашим даром, немцы возьмут его сами. В этом я убежден. Я решаюсь сказать: поспешите с осуществлением намерения, в которое вы столь великодушно посвятили меня при расставании: поезжайте к фюреру и вручите ему Судеты, а если нужно, то и всю Чехословакию как дар его величества.

Да укрепит вас всевышний в этом великодушном намерении!

Вспомните пример вашего великого отца, более полувека тому назад предвидевшего необходимость усиления Германии как военного государства, способного выполнить наши планы на востоке Европы. К нашему счастью, теперь в Германии нет человека, подобного Бисмарку, не пожелавшему без всяких условий сделать Германию «гончей собакой, которую Англия направляет на Россию».

Когда вы увидите Гитлера, вы сможете повторить слова старого Рандольфа Черчилля: «С вами вдвоем мы можем управлять миром». Я разгадал эту фигуру: он на это пойдет.

Бен уже сложил было листок, намереваясь вложить его в конверт, но тут ему пришло на память признание, сделанное Гауссом. Он подумал, что все планы премьера, клонящиеся к тому, чтобы пустить историю Европы по рельсам, которые надолго уведут ее в сторону от опасности натиска народных масс на существующий порядок, могут вылететь в трубу, если в один прекрасный день Гитлер будет вдруг убит. Черт их знает, этих генералов, – каково будет с ними сговариваться и захотят ли они драться с Россией, не обезопасив себя с тыла от коварства Англии, попросту говоря, не покончив с нею? У них может оказаться не такая короткая память, как у Гитлера, забывшего заветы «железного канцлера» и уроки, полученные «королем Фрицем» от русских.

Бен снова развернул листок и написал постскрипtum:

Я не советовал бы передавать фюреру содержание известной нам беседы, ради которой я недавно возвращался в Лондон. Этот выход необходимо резервировать для нас самих на случай провала нашей чехословацкой комбинации. Рекомендую вам назначить фюреру свидание с таким расчетом, чтобы по окончании нюрнбергского съезда он не возвращался в Берлин и пробыл, по возможности, в отсутствие до самого момента победоносного вступления его войск в Чехословакию.

Бен заклеил конверт и спрятал на груди. Он надеялся, что уж завтра-то они остановятся в заранее назначенном месте, где его встретит сотрудник британского посольства в Праге. После завтра с рассветом письмо будет лежать в сумке дипломатического курьера, летящего в Лондон.

Успокоенный этими мыслями, Бен надел снятые было очки, поставил ногу на стул и принялся терпеливо развязывать запутавшийся шнурок ботинка. В маленькой сельской гостинице царил мертвая тишина. Бену показалось, что пружины старого матраца зазвенели, как бубны, когда он улегся в постель. Он заснул, мечтая о том, что завтра сможет уже спокойно заняться изучением свиноводства в Чехии.

8

Так же как старый Шверер и как лорд Крейфилед, Отто сразу после ужина улегся в постель. Он порядком устал и не видел никакого смысла в том, чтобы одиноко торчать в маленьком зале гостиницы за стаканом кислого вина или тащиться в какое-нибудь место, где развлекались офицеры проходящих войск.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.